

ЧЕРНЫЙ ЛЕЙДОН

Богдан Сушинский

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Богдан Сушинский

Черный легион

«ВЕЧЕ»

2015

Сушинский Б. И.

Черный легион / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Секретный фарватер (Вече))

Военно-приключенческий роман «Черный легион» известного писателя, лауреата Международной литературной премии имени А. Дюма (1993) Богдана Сушинского является продолжением романа «Похищение Муссолини». В основу сюжета положено одно из малоизвестных событий Второй мировой войны – операция «Черный кардинал», целью которой был захват и доставка папы римского Пия XII и нескольких кардиналов в Берлин. Подготовку и выполнение этой операции фюрер поручил своему любимцу, «диверсанту номер один» Третьего рейха Отто Скорцени.

© Сушинский Б. И., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	8
3	11
4	13
5	15
6	16
7	18
8	21
9	22
10	23
11	25
12	28
13	30
14	32
15	35
16	36
17	38
18	40
19	43
20	46
21	48
22	49
23	53
24	57
25	59
26	61
27	64
28	68
29	71
30	74
31	76
32	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Богдан Сушинский

Чёрный легион

© Сушинский Б. И., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

Часть первая

Если бы Иисус Христос явился сегодня, никто не стал бы Его распинать. Его пригласили бы к обеду, выслушали и от души посмеялись.
Т. Карлейль

1

Проснулся гауптштурмфюрер¹ СС Отто Скорцени в то мгновение, когда, не удержавшись на воздушной волне, его десантный планер врезался в мрачный утес у самой вершины горы Аbruццо.

Высшие Силы словно бы демонстрировали тот исход судьбы, которого во время операции по освобождению Муссолини первому диверсанту рейха удалось избежать только с их помощью.

Как бы предвещая сей астральный сон, Скорцени – смертельно уставший, буквально свалившийся в постель – успел подумать: «А ведь там, в горном массиве Гран Сассо, произошло чудо. Почти до самого начала операции у меня было твердое намерение взлететь первым. Но я почему-то выбрал свой жребий под номером пять. Это была самая настоящая рулетка. Я выбрал пятый – а четыре планера, поднявшиеся в воздух до моего взлета, разбились. Как же все призрачно в этом мире, Господи! Как все случайно и призрачно! Впрочем, случайно ли?..»

Уже «погибая» у вершины Аbruццо, за каких-нибудь пятьдесят метров от туристского отеля «Кампо Императоре», в котором около двухсот карабинеров содержали под стражей своего дуче Бенито Муссолини, гауптштурмфюрер сумел крикнуть: «Это неправда! Я достиг этой вершины! Я достиг ее! Я еще вернусь в этот мир! Я еще пройду его от океана до океана!»

«Погибая», но с вещими словами на устах, он и вернулся в действительность, из которой в этот раз его вырвала пока еще не смерть, а всего лишь кратковременное забытие.

Еще окончательно не придя в себя, Скорцени инстинктивно вцепился в рукояти двух пистолетов – одного в расстегнутой кобуре, другого – лежащего на кровати, рядом, у кармана брюк – и лишь тогда открыл глаза и мгновенно осмотрел помещение.

«Отель? Номер? Похоже, номер. Отель «Империял»? Вена? Да ведь это же, черт побери, Вена! «Империял»!»

Восстановив в такой последовательности реальность, в которой он ощутил себя, Скорцени сразу же вспомнил все, что предшествовало его появлению здесь, почти в самом центре австрийской столицы.

«В утес врезался четвертый планер! Четвертый! – напомнил он Высшим Силам. – Но я-то, я-то летел в пятом!»

– Простите, гауптштурмфюрер, – возник на пороге оберштурмфюрер² Гольвег, выполнявший в отсутствие Родля обязанности адъютанта и личного телохранителя. – Вы просили разбудить ровно в пять.

– Могли бы и догадаться, что несколько запоздали с этой своей услугой, – пророкотал слегка приглушенным кремниевым басом Скорцени.

Он лежал в полном обмундировании на застеленной белоснежной простыней постели, упершись каблуками сапог в довольно низкую спинку.

¹ Гауптштурмфюрер – капитан войск СС.

² Оберштурмфюрер – старший лейтенант войск СС.

– Не сомневался, что проснетесь ровно через час. Но долг есть долг, – слегка стушевался русоволосый верзила, которого в Югославии очень часто принимали то за македонца, то за словенца.

– Вот именно, оберштурмфюрер: долг! – Скорцени поднялся, и Гольвег снова, уже в который раз, отметил про себя, что уродливые шрамы, исполозовавшие всю левую щеку и подбородок, лишь дополняют образ этого могучего человека – огромного роста, с непомерно широкими мужественно обвисающими плечами и тем не менее гармоничной атлетической фигурой. Дополняют, а ни в коей мере не разрушают, не уродуют. – Солдатский долг!

Гольвег, как и другие эсэсовцы, которым приходилось близко соприкасаться с Отто, редко видели его мрачным или злым, а еще реже – в гневе и ярости. Другое дело, что само присутствие Скорцени вселяло в окружающих ощущение какого-то суеверного страха перед ним. Страх, но в то же время, в любой опасной ситуации – уверенности. Его холодный пронизывающий взгляд, отрывистая рокошущая речь, в соединении с абсолютной непринужденностью поведения, подкрепленной совершенно очевидной для каждого магически воздействующей физической силой, почти мгновенно взбадривали, заставляя переоценивать свои силы и веру в них.

Этому человеку охотно подчинялись. Он вызывал желание подчиняться. За ним не страшно было идти. За ним хотелось идти. И все же... страх. Гнусный мистический страх, который Гольвег всячески старался если не перебороть, то уж во всяком случае основательно скрыть от других.

– Однако о долге поговорим потом, – продолжил Скорцени. – Как чувствует себя наш друг Муссолини?

– Блаженствует в своем суперлюксе. Балкон остается закрытым. Агент Призрак следит за этим.

– Побаиваетесь, как бы Муссолини не вздумалось озарить венцев мудростью своих речей?

– От него можно ожидать чего угодно.

То, что вырисовывалось на лице Скорцени, между шрамами и губами, трудно было назвать обычной человеческой улыбкой. Однако Гольвег должен был воспринимать эту гримасу именно так. И, конечно же, не решился напомнить гауптштурмфюреру, что приказ ни в коем случае не подпускать дуче к балкону исходил именно от него.

– Как ведет себя охрана?

– Без инцидентов.

– Агенты в штатском?

– Особого внимания не привлекают. Если бы не десантники, перекрывшие вход в это крыло отеля...

– Берлин? – резко перебил его Скорцени.

– Молчит.

Скорцени пристально посмотрел на Гольвега, словно заподозрил, что тот пытается скрыть от него звонок из столицы рейха, и резко повел плечами, будто разминался перед выходом на ринг.

– Но он действительно молчит, – не выдержал оберштурмфюрер.

– В такой ситуации Берлин не может молчать, Гольвег. Он не должен молчать. Не имеет права. Перед лицом истории...

2

Едва Скорцени молвил эти слова, как дверь открылась и на пороге возник унтерштурмфюрер³ Ланцирг, известный в кругах диверсантов под кличкой Призрак.

– Гауптштурмфюрер, вас к телефону. Берлин.

– А вы говорите: «Берлин молчит», – резко бросил Скорцени, с ног до головы смерив оберштурмфюрера откровенно сочувствующим взглядом.

– Так было.

– Когда творится история, Гольвег, Берлин молчать не может. Тем более, что это творится история войны.

Гольвег промолчал и еще больше вытянулся, демонстрируя почти идеальную, фельдфебельскую, выправку.

Конечно, манера Скорцени вести себя, манера общаться с подчиненными – а в некоторых случаях и с офицерами намного выше его по чину – всегда шокировала. И не только Гольвега. Однако человек, осуществивший в свое время арест федерального президента, а затем и канцлера Австрии, захват Муссолини в Италии и множество других отчаянных, иногда просто-таки невероятных по авантюристичности своих замыслов операций, имел право и на жесткий взгляд, и на этот тон – тут уж Гольвег старался быть справедливым по отношению к нему.

Тем более, что в конце концов Скорцени никогда не орал на своих людей. Даже его всем известный «тевтонский рык», которым он осаждал зарвавшихся и приводил в чувство малодушных, был всего лишь способом внушения. Внушения мужества, воли, своей, данной Богом и фюрером, власти.

А власти, следует сказать, он получал все больше и больше. Для Гольвега это не являлось секретом. Причем власти не только в стенах Главного управления имперской безопасности, но и в пределах всего рейха. Впрочем, в последние дни и за его пределами.

– Берлин не может молчать в такое время, оберштурмфюрер! – прогрохотал Скорцени, направляясь в дальнюю комнатку своего пятикомнатного приюта, где находился телефон, номер которого уже был хорошо известен в ставке Гитлера, а также в приемных Гиммлера, Кальтенбруннера и Шелленберга. – Кто? Фюрер? – спросил он у шагнувшего вслед за ним Ланцирга, не стесняясь того, что на другом конце провода могли слышать его рык.

– Пока только начальник личной охраны бригадефюрер и генерал-майор войск СС и полиции...

– А, Раттенхубер⁴, – все так же громко, откровенно разочарованно довершил Скорцени доклад унтерштурмфюрера. – Почему хотя бы не шеф-адъютант Буркдорф?

Скорцени, конечно, понимал, что этот вопрос был бы неуместен даже в том случае, если бы он задал его самому Раттенхуберу. Но все же: почему? И гольвегово услужливое пожимание плечами его не интересовало.

– Здесь Скорцени, – бесцеремонно проговорил он, медленно поднимая трубку.

– Мы потрясены, гауптштурмфюрер, – послышался в трубке сипловатый, слегка шепелявящий голос бригадефюрера. – Именно потрясены. Хотя многие еще не знают вашего имени, ибо в официальном сообщении берлинского радио оно пока не названо.

– В этом нет необходимости, – позволил себе Скорцени перебить генерала. – Имена из сообщений меня не интересуют. Я привык знакомиться с ними, читая досье.

³ Унтерштурмфюрер – лейтенант войск СС.

⁴ Бригадефюрер СС Йоханн Раттенхубер. Оставался с Гитлером в его бункере до последней минуты. 2 мая 1945 года взят в плен советскими войсками и осужден военным трибуналом.

Раттенхубер вполне мог воспринять его шутку как намек. Во всяком случае, Скорцени явственно ощутил, что тот запнулся на полуслове. Хотя кому-кому, а бригадефюреру СС Раттенхуберу опасаться было нечего. Когда путч с целью захвата власти в Баварии, организованный Адольфом Шикльгрубером, провалился и организатор угодил за решетку, одним из его тюремщиков стал Раттенхубер. Именно при служебном попустительстве и всяческой допустимой помощи надзирателя Раттенхубера заключенный Шикльгрубер-Гитлер создавал в тюрьме свой программный трактат «Майн кампф», основы которого сам Раттенхубер имел честь постигать, что называется, с его истоков – черновиков рукописи. И идеям которого остался предан до сих пор. Фанатично предан.

– Но оно будет названо, гауптштурмфюрер. Возможно, сейчас еще не время. Я – солдат и плохо смыслю в подобных вещах. Но, черт бы меня побрал, можете не сомневаться: в этот раз Германия по-настоящему услышит ваше имя.

– Возможно, и пора бы, – неожиданно рассмеялся Скорцени. Но и смех оставался таким же рокошуще-камнедробильным, как обычный голос гауптштурмфюрера, его слова, его суждения. – Хотя слава меня интересует менее всего. Вы же знаете: для диверсанта всякая известность погибельна.

«И все же он побаивается. Меня, Гиммлера, Мюллера, Шелленберга, Кальтенбруннера. Не говоря уже о Бормане, – ухмыльнулся про себя Скорцени. – Вознесшее его на высоты партийных и армейских чинов клеймо «тюремщик путчистов» остается клеймом. Всю жизнь он чувствует себя щенком, оказавшимся в окружении целой стаи волкодавов. Спасение только у ног хозяина. Только у его ног!»

– Извините, старина, заболтался. С вами будет говорить фюрер, – доверительно сообщил Раттенхубер. – Приглашаю его к телефону.

Скорцени напрягся и свободной рукой пригладил мундир, словно Гитлер должен был появиться на пороге номера.

Прошло несколько секунд. Трубку никто не брал. Вместо голоса фюрера в ней снова возник голос Раттенхубера – тот негромко с кем-то переговаривался.

«Впрочем, в том же досье, со страниц которого начальник личной охраны предстает как «тюремщик Гитлера», имеется несколько агентурных сообщений о том, как в 1919 году Раттенхубер, находясь на службе в баварской полиции, принимал самое активное участие в ликвидации Баварской советской республики да к тому же лично участвовал в ликвидации некоторых ее руководителей», – вспоминалось Скорцени, пока он прислушивался к приглушенному, словно долетавшему из мрачной обреченности каземата, голосу бригадефюрера.

И еще Скорцени прекрасно знал, что после того как Гитлер стал фюрером великой Германии, первым о Раттенхубере вспомнил не он, а Гиммлер, не погнушавшийся сделать его своим адъютантом. И лишь после этой, настоящей проверки на верность национал-социализму фюрер назначил его своим личным телохранителем.

Символически прощаясь с Раттенхубером, Гиммлер, говорят, расчувствовался и подарил именное серебряное кольцо с надписью «Моему любимому Раттенхуберу». Правда, со временем фюрер тоже не остался в долгу, лично вручив своему тюремщику и телохранителю высшую награду – золотой значок члена НСДАП. Но это уже детали, которые в службе безопасности мало кого интересуют.

– Скорцени?

Да, это был голос фюрера. Отто узнал бы его даже во многомиллионном хоре человеческих голосов. Негромкий повелительно-властный голос полубога, которому лично он, Скорцени, обязан всем. Ибо зарожденное им национал-социалистическое движение и развязанная им война позволили Отто Скорцени стать тем, кем он стал: первым диверсантом империи. Пробудить в нем и тысячах других людей те силы сверхчеловека, которые никакое иное учение, ни одно движение до сих пор не пробуждало и пробудить уже не способно.

– Слушаю, мой фюрер!

3

Опомнился Беркут от ясного ощущения того, что в грудь его вонзается штык. Но даже осознав это, он еще несколько мгновений пытался понять: сон это или явь? Андрею казалось, что, уже проснувшись, он, вопреки законам природы, еще каким-то образом «задержался» в неудачном прорыве блокады дота, в котором снова – в который-то раз! – участвовал этой ночью. Однако немецкое: «Партизан, встать!» было слишком явственным для сна.

Вздвигнув, лейтенант открыл глаза; упершись руками в расстеленный на сене тулуп, пытался встать и только тогда разглядел в утреннем сумраке несколько неясных фигур. Разглядел и почувствовал: в грудь ему упираются теперь уже сразу три штыка.

Опустив голову на соломенную подушку, Громов расслабился и снова закрыл глаза. Какое было бы счастье, если бы и это кошмарное видение оказалось всего лишь сном! Сколько он видел их с тех пор, как на несколько часов оказался замурованным в своем 120-м доте!..

– Вставай, стерва офицерская! – обратились к нему на русском. – Это тебе уже не снится!

Удар прикладом в пах. Пронзительная, ослепляющая боль. Парализующая вспышка ярости...

Прижатый штыками лейтенант, почти не двигая корпусом, все же сумел ударить ногой в коленную чашечку человека, который, выплевывая русские ругательства, снова замахнулся на него прикладом. И тотчас же поджал ноги, спасая себя от ответного удара.

– А, стерва, убью! Покалечил, гад! Убью! – рванулся к нему полицай. Но двое немцев уже сами оттолкнули, а затем оттаскивали его. Двое других носками сапог заставили лейтенанта подняться и сразу же вбуравились стволами шмайсеров ему в ребра.

Преодолевая нестерпимую боль, еле передвигая ногами, Беркут медленно, полусогнувшись, вышел из пристройки и поразился, увидев, что по обе стороны поваленных ворот двумя жиденькими рядами стоят крестьяне. Вперемешку с немцами и полицаями.

Этот живой коридор оказался настолько длинным, что уже пересек луг по ту сторону дороги и уперся в подножие невысокого холма, разрытую вершину которого венчали журавль колодца и большой шлемоподобный валун. А между колодцем и камнем, как раз напротив солнца и, казалось, от несмелых утренних лучей его, чадно разгорался костер, возле которого, на камне поменьше, спиной к процессии и, на первый взгляд, совершенно безучастно, сидел какой-то человек. Беркут так и не понял: в армейской тот форме или в гражданском.

– Господи, куда ж его, босого-то? – жалостливо всплеснула руками желтолицая горбатенькая старушка, и лейтенанту показалось, что дрожащая пергаментная рука ее потянулась к его лицу – погладить, унять страх, перенять боль.

– А моего, моего как в тридцать восьмом забирали?! – взвизгнула другая женщина, уже где-то за спиной Беркута. – От семьи, от детей. В распроклятую Сибирь! И разве только моего? Да вся Сибирь костями нашими вымощена! Его кто-нибудь пожалел?! Миллионы убиенных – пожалел?!

– Побойтесь Бога, люди! Да неужто и впрямь смерть ему от огня принять?!

– А скольких он, гад, парней наших погубил?! – мрачно бasila дородная молодуха в меховой безрукавке. – Скольких в лес заманил, скольких по селам перестрелял?!

Андрей заметил, как она взмахнула качалкой, и наверняка успел бы уклониться, но почему-то не уклонился. Лишь укоризненно глянул ей в глаза: «О чем ты, женщина?!» Однако это ее не сдержало. По-мужски сильный удар в голову остановил Беркута, оглушил и чуть было не повалил на холодную, покрытую утренней изморозью землю.

«Как же так?! Когда ж они успели?! Неужели я напросился на ночь к полицаям? Или к самому старосте?!» – клокотало в воспаленном сознании лейтенанта.

Он пробрался вчера к этому дому, почувствовав, что силы его на пределе. Нет, он не заболел, просто нужна была передышка. Хотя бы на сутки. Сутки нормального человеческого отдыха и немного еды – вот все, чего он жаждал, стучась поздним вечером в окно этой хаты.

Но поесть ему не дали. Хозяин вышел, при свете «летучей мыши» молча осмотрел его истрепанный немецкий мундир и, показав на пристройку, тонким визгливым голосом пропел: «Туда иди, в дом не пушу». А через несколько минут бросил к его ногам старый тулуп, набитую соломой наволочку и старое, вконец изорванное одеяло. Что еще Беркут хорошо помнил – спать он все же ложился обутом в сапоги. Значит, разули уже сонного. Кто: хозяин, полицаи?

Впрочем, какое это имеет значение? Он-то подумал тогда, что недоверие к нему хозяина вызвано его немецким нарядом. Может, решил, что ночной гость его дезертировал из немецкой части. Двойной дезертир. Таких сейчас по селам немало. И молитва у них одна: «выжить!»

И ведь ни о чем не спросил. Ни о чем.

На заснеженном пригорке в напряженном ожидании застыл антрацитово-черный ворон, аристократ смерти. Он знал свою роль в этом ритуале убийства и терпеливо ждал отведенного ему часа.

«Господи, но не так же глупо! – взмолился Беркут, стараясь не смотреть на ворона. – Во сне взяли. Как дохлятину. Ясное дело, когда-то это обязательно должно было случиться. Но не таким же образом, Господи, не таким...»

Большого позора он не переживал за всю войну, всю свою партизанщину.

Он идет, наступая на полуразмотанные портянки. Холод пронизывает все его тело: от ступней до глубин мозга. Но душа леденеет не от этого.

Костер?! Почему костер? Пытка огнем и водой?! Привязать к журавлю, поджечь, а потом «охладить»?! «Но все это уже было». Эта мысль, это неожиданное «открытие» вдруг показалось ему спасительными. А ведь действительно: все уже было. В этом мире уже все было!

Кто-то материл его, кто-то осенял крестом. Какая-то молодка не сочувственно, а сугубо по-бабски вздыхала: мужик-то справный. На одного меньше станет. Озверевшая от ненависти женщина в безрукавке еще дважды дотягивалась до его спины качалкой, и дважды за ворот сыпались засохшие комки теста.

Вот уж воистину: все это уже было. Не с ним, так с другими. Взять хоть бы Гражданскую. Но ведь то была Гражданская. Почему же сейчас столько предательства, столько ненависти к своему же солдату? Откуда столько люти? Неужели она, эта проклятая Гражданская, все еще не кончилась? Но ведь пора уже, пора!

Их забирали в тридцать седьмом!.. Где бы он ни был, в какое бы украинское село ни попал, везде только и слышит: «А как наших забирали?!» В тридцать седьмом, тридцать восьмом, тридцать девятом... Да еще о голоде. О сотнях тысяч опухших после удивительно щедрой, хлебной косовицы. Неужели и отсюда, из этой глухой, забытой Богом лесной деревушки тоже забирали? Зачем?! Кому все это нужно было? Неужели и здесь были «враги народа»?

«Но я-то какое отношение имею ко всему этому?.. Я-то какое?! Значит, все же имею. Видно, это касается всех. Все грешны и должны нести свой крест. Не имели права допустить, чтобы в стране воцарился такой режим».

– Ну, чего стал?!

– Шнель, шнель!

4

В мае 1943 года в расположении штаба командующего группы войск «Центр», обитавшего в бывшей помещичьей усадьбе, майором контрразведки был задержан некий гражданский, представившийся доктором фон Герделером, прибывший в эти края по делам одного из германских военных концернов.

Майор Вальтер Унге добрых пять минут изучал документы, потом столько же, не стесняясь, вешний вид этого, появившегося черт знает откуда и зачем, соотечественника. На вид – лет сорока пяти. Бледность худощавого лица, с которого еще не улетучились усталость и неуют дальней дороги, не могла скрыть его прирожденной надменности, а круглые запотевшие очки – настороженности усталых белесых глаз. Под расстегнутыми полами измятого легкого пальто, в котором скитальцу уже становилось жарковато, просматривался ладно скроенный, почти новый, хотя и довольно изжеванный дорожными неудобствами, костюм.

– Так что вас могло заинтересовать в штабе группы «Центр»? – вновь, уже в третий раз, спросил майор, возвращая фон Герделеру его паспорт. Однако теперь тон стал повежливее.

– Простите, майор, вы из контрразведки?

– Майор Унге, – едва заметным движением плеч изобразил он нечто подобное стойке «смирно». – Из штаба группы армий. Разговоры в контрразведке вам еще предстоят.

– Меня это не смущает, – как можно спокойнее, почти небрежно обронил Герделер. – Если уж я проделал сюда путь из Германии, то вовсе не для того, чтобы расшаркиваться перед офицерами абвера или СД. Но вы, майор Унге, оказали бы мне большую услугу, если бы помогли как можно скорее попасть в кабинет фельдмаршала. Впоследствии фон Клюге будет признателен вам не меньше, чем я.

– Вы так считаете? – грубоватое, обветренное лицо майора не знало, что такое ироничная улыбка, а то бы она, конечно же, появилась. – Мне бы вашу уверенность. Что за вести вы принесли из Германии?

– Воспоминаниями о родине я поделюсь с вами несколько позже, как только меня определят на постой или в гостиницу, где смогу достать из своего чемоданчика бутылку хорошего французского вина.

– Хорошего? Французского? Какой разведке известно мое пристрастие?

Майор, кажется, лишь теперь обратил внимание на маленький дорожный чемоданчик, который фон Герделер все время старался держать как бы позади себя. Отправиться в столь далекий и трудный путь с таким скудным багажом мог разве что человек, которого здесь, на отвоеванных у русских землях, не интересовали ни поместья, ни заводы, ни бизнес. Правда, теперь желающих приобрести все это поубавилось. Но Унге прекрасно помнил, сколько жаждающих осваивать восточное пространство пробивалось, словно паломники к святым местам, к штабам армий группы «Центр» еще даже летом прошлого года.

– Своими воспоминаниями о фронте обещаю с вами не делиться, – мрачно заверил майор. – Но ваши выслушаю охотно. Озверел от тоски по Германии.

– Что вполне естественно.

Еще несколько мгновений майор колебался.

– Пойдемте со мной. Пожалуй, попытаюсь помочь вам попасть на прием к командующему. Хотя это непросто.

– Такие услуги не остаются без проявления благодарности, – сухо напомнил ему фон Герделер.

– Что тоже вполне естественно, – не отличался изысканностью манер Унге.

«Знал бы ты, майор, с кем говоришь, – подумал он, снимая очки и смеривая офицера высокомерным взглядом прищуренных близоруких глаз. – Ничего, придет время, и я напомню о себе, если только русская земля не поглотит тебя. И придет оно довольно скоро».

Страх, сковывавший Герделера в первые дни, когда они с генерал-полковником Бек⁵ только-только разворачивали вербовку единомышленников, готовых, а главное, способных свергнуть Гитлера и взять власть в свои руки, теперь сменился почти мессианской верой в свое предназначение, нетерпеливым ожиданием конкретных действий.

Уже сейчас их поддерживает такой мощный генералитет, такой цвет германской армии, что даже если фюрер и узнает имена заговорщиков, вряд ли он решится арестовывать их. Кстати, Бек и начальник Общеармейского управления, заместитель командующего армией резерва сухопутных сил генерал-лейтенант Фридрих Ольбрихт давно имеют веские доказательства того, что руководство гестапо и даже СД знает об их планах. Знает, но не препятствует. А не препятствует потому, что и там понимают: пора менять политику рейха. Вносить в нее коррективы, на которые сам фюрер никогда не пойдет. На которые, скорее всего, он попросту не способен.

В приемной фельдмаршала Клюге, когда адъютант уже заверил фон Герделера, что командующий примет его через пятнадцать минут, майор Унге нескромно напомнил доктору:

– Не думайте, что я забыл о бутылке французского.

– Ваши услуги будут оплачены значительно выше, – так же вполголоса заверил его Герделер. – Советую исходить из этого.

Лицо майора покрылось маской грусти. Из этого почти эпохального намека он извлек только ту истину, что с мыслью о бутылке придется распрощаться. Дальше такого толкования его фантазия, как видно, не распространялась.

⁵ Генерал-полковник Людвиг Бек, бывший начальник Генерального штаба вермахта, отправленный фюрером в отставку за то, что возражал против введения немецких войск в Прагу. Считается главным организатором заговора против Гитлера, вошедшего в историю как «заговор 20 июля». Согласно планам заговорщиков, должен был стать президентом Германии. В день неудавшегося покушения на Гитлера покончил с собой.

5

Ночное нападение на станцию было внезапным и дерзким.

Уже в первые минуты боя запылала цистерна с горючим, и казалось, что это горит и плавится не бензин и металл, а сама земля вдруг разверзлась, извергая всепожирающее пламя свое, в котором зарождался кратер нового вулкана.

Бросившись – на удачу – к ближайшему вагону, Курбатов и Тирбах сбили пломбу и обнаружили, что он забит ящиками с гранатами.

– То, что нам нужно! – яростно прорычал Курбатов. – Эй, кто там? Чолданов, Кульчицкий, Тирбах – по ящику – и за мной!

Как только восемь ящиков с лимонками оказались в роще за руинами водокачки, одна из гранат полетела в вагон. И на станции начался настоящий ад.

– Командир, все в сборе! – доложил подполковник Реутов, видя, что к роще приближается последний из группы – Власевич. Он отходил короткими перебежками, ведя прицельный огонь: по людям, вагонам, окнам ближайшего станционного здания. – Пора уходить!

Даже в минуты высшего нервного напряжения, когда все внимание ротмистра было занято боем, он все же успел заметить, что Реутов обратился к нему, употребив слово «командир». До сих пор он, старший по званию, крайне неохотно признавал сам факт старшинства Курбатова.

– Быстро разобрали гранаты! – скомандовал ротмистр. – Обходим станцию и вдоль железной дороги движемся на Читу. Пусть считают, что мы ушли в лес или возвращаемся к границе.

Последние слова его взорвались вместе с цистерной. Сразу же вспыхнуло еще несколько соседних цистерн и вагонов, а взрывы перемежались с ревом паровозных гудков.

– Этими взрывами мы наверняка подняли на ноги атамана Семенова, – хищно улыбнулся подпоручик Власевич, заталкивая в рюкзак последние оставшиеся лимонки.

– Имея столько гранат, мы поднимем на ноги даже кремлевского абрека Сталина, – проворчал Иволгин, разбрасывая ящики в разные стороны, чтобы затруднить поиски следов, если красные вздумают пустить овчарок.

Уходя, они видели, как взорвалась еще одна цистерна и двое путейцев или солдат, пытавшихся отцепить ее, уже пылающую, от остального состава, тоже вспыхнули двумя живыми факелами. В ужасе они метнулись в сторону диверсантов, и группа маньчжурских легионеров, забыв об оружии, убегала от них, словно от гнева Господнего.

– Власевич, сними их! – на ходу крикнул Курбатов.

– Не стоит выдавать себя.

– Я сказал: сними их, прояви милосердие!

– К черту милосердие! – процедил подпоручик, тяжело отсапываясь рядом с ротмистром. – Прикажете поджечь еще одного – с превеликим удовольствием.

Остановившись, Курбатов несколько секунд наблюдал, как двое обреченных с нечеловеческими воплями качаются по луговой траве рядом с насыпью, и прошелся по ним автоматной очередью. Один обреченный вскочил, другой продолжал качаться, взывая к людям и Богу.

– Только ради вас, ротмистр. Чтоб не мучились муками душевными, – вернулся к Курбатову Власевич. И, стоя плечо в плечо, они еще раз ударили по горящим.

– Тяжело, оказывается, своих-то убивать, – проговорил он, убедившись, что на сей раз выстрелы милосердия достигли своей цели. – Разучились после Гражданской. Размилосердились. С немцами оно, вишь ли, проще.

– У нас больше нет выбора, подпоручик. Мы должны сражаться, как гладиаторы: жизнь дарует только победа. Всю оставшуюся жизнь нам предстоит прожить убивая.

6

На рассвете, достигнув перевала невысокого хребта, они увидели внизу, в долине, редкие огни просыпающегося города. Это была Чита.

– Рим у ваших ног, великий вождь Аттила, – задумчиво продекламировал барон фон Тирбах. – Да только в Вечный город Аттила, как известно, не вошел.

– Несостоявшаяся столица Забайкальской империи атамана Семенова, – проворчал Иволгин. – Впрочем, кто знает, – жевал он остатки английской сигары, – могла бы получиться и столица. Будь у Семенова иная звезда.

– Нет, господа, – вмешался Реутов. – Не оседлав Кремль, в Чите не отсидеться.

– Тогда в чем дело? – отрубил Иволгин. – На Москву, господа!

Пришло время радиосеанса, и поручик Матвеев настроил рацию. Курбатов получил последнюю возможность доложить Центру о своем существовании. Дальше он шел вслепую. О его продвижении смогут узнать только агенты трех контрольных маяков, которым он обязан был открыться. Хотя и на это согласился неохотно. Где гарантия, что по крайней мере два из трех маяков не провалены?

Радист Центра сразу же поинтересовался, смогут ли они выйти на связь через пятнадцать минут. Матвеев вопросительно взглянул на Курбатова.

– Сможем, – кивнул тот.

Они оба – радист и командир – ожидали, что последует какое-то разъяснение, но ожидания оказались напрасными.

– С чем бы это могло быть связано? – недоуменно проговорил Матвеев, когда радист Центра ушел с волны.

Курбатов смотрел на открывающуюся панораму города и молчал. Он простоял так все пятнадцать минут. Сейчас он действительно напомнил себе Аттилу, стоящего на холме перед беззащитным Римом. Возможно, поэтому вновь вспомнились им же сказанные когда-то слова: «У нас больше нет выбора. Мы должны сражаться, как гладиаторы... Всю оставшуюся жизнь нам предстоит прожить убивая».

Он, Курбатов, готовился к такому способу жизни. Отбросить жалость, презреть сентименты, отречься от воспоминаний, преодолеть страх перед смертью. Только тогда в конце рейда он сможет увидеть Триумфальную арку Берлина.

– Вдруг нам прикажут вернуться, – почти с надеждой взглянул на ротмистра Матвеев, поглядывая на часы. Минуты ожидания истекали.

– Исключено.

– Естественно.

– Что, страшно оставаться в этой стране?

– Погибельная она какая-то. Сама по себе погибельная, да и мы тоже не несем с собой ничего, кроме гибели.

– Отставить, поручик, – резко прервал его Курбатов. – В окопе может быть только одна философия – окопная. Подполковник Реутов!

– Я, – откликнулся подполковник из-за ближайшей гряды. Он был последним, кто должен был прикрывать убежище, в котором расположились командир и радист. Остальные образовали жиденькое крепление метрах в пятидесяти ниже перевала.

– Что там со стороны города?

– Ничего особенного. Безлюдье. Следующей будет читинская станция? – приблизился он к Курбатову.

– Вполне возможно. Действуем, исходя из ситуации.

– Лихой вы командир, ротмистр. Это я по чести. Перешли бы мы кордон хотя бы с дивизией – можно было бы в самом деле начать освободительный поход. А так получается что-то вроде мелкой кровавой пакости. Ну, сожжем еще одну-другую станцию... Ну, пустим под откос еще два-три состава. Что дальше?

– Это и есть наш освободительный поход. За нами пойдут более крупные силы. Мы же с вами, как любят высказываться по этому поводу господа революционеры, буревестники.

– Крылья которых после каждого взмаха оставляют после себя огненный след. Честно говоря, мне не совсем ясна цель вашего похода.

– У вас была возможность выяснять ее до перехода границы.

– Я имел в виду вашу личную цель, – с достоинством уточнил Реутов.

– Дойти до Берлина.

– Само по себе это не может служить целью.

– Что же может служить ею?

– Организация восстания здесь, в России.

– Да, это одна из возможных целей, – согласился князь. Но продолжать разговор нежелал.

Предположение Курбатова подтвердилось: рядом с радистом Центра теперь находился сам атаман Семенов. Он лично явился, чтобы продиктовать текст радиопослания: «Легионеру. Благодарю состав группы. Вскрыть пакет. Инструкции у «Конрада» в Самаре. В Германии знают. Вы сражаетесь во славу единой и неделимой России. Держитесь, подполковник Курбатов. Атаман Семенов».

– Неужели у аппарата действительно стоял сам Семенов? – усомнился Матвеев, расшифровав это послание.

– Что в этом невероятного?

– Велика честь. Я-то думал: пошлют и забудут. Заматаются, подготавливая другие группы. В любом случае имею честь первым поздравить, господин подполковник.

– Объявите об этом господам офицерам, – попросил князь. – Вам это будет удобнее. Я же скажу, что представил к повышению в чине всех вас. И что все вы будете награждены за храбрость.

7

Начальник разведывательного отдела штаба Квантунской армии полковник Исимура⁶ встретил генерала Семенова с той холодной азиатской вежливостью, которая позволяла кланяться русскому генералу, давая при этом понять, что его поклоны не исключают тех истинных поклонов, которыми атаман должен благодарить его за само свое существование в этом мире.

– Вы просили господина полковника о встрече. И господин полковник рад принять и выслушать вас, господин полковник готов...

Только по тому, что почти каждую фразу переводчик завершал повторением нескольких ранее сказанных слов, Семенов определил, что перед ним тот самый капитан, который когда-то переводил его беседу с генералом Томинагой. У него вообще была плохая память на лица, тем более – на японские, зато очень контрастно врезались особенности разговора и поведения людей. Этот вечно улыбающийся капитан – япошка, – худющий до того, что, казалось, сорви с него мундир и смотри сквозь тело, словно сквозь желтую прозрачную занавеску, – поражал своей способностью умиляться любой произнесенной в его присутствии глупостью, а каждому удачно найденному им самим русскому слову – радоваться, будто великому прозрению.

– Насколько я помню, это полковник Исимура пригласил меня к себе, – отрубил атаман, совершенно забыв при этом, что говорит в присутствии самого Исимуры. – Поэтому спросите, что ему нужно.

– Господин полковник доволен, что вы нашли возможность встретиться с ним, дабы обсудить планы действия русских частей, господин полковник доволен...

Атаман Семенов обратил внимание, что Исимура и рта не раскрыл, чтобы произнести нечто подобное. Переводчик нес явную отсебятину. Однако это не удивило его. То же самое он наблюдал во время встречи с генералом Томинагой, когда речь шла о засылке в тыл красных группы маньчжурских легионеров.

– Но ведь мы постоянно согласовываем свои действия. Отряд «Асано»⁷ действует с ведома начальника японской военной миссии в Таиларе подполковника Таки.

«Похоже, что оправдываюсь, – остался недоволен своим ответом Семенов. – Хотя никто не убедил меня, что я обязан отчитываться перед каждым офицером штаба Квантунской армии, в соболях-алмазах!..»

В этот раз Исимура в самом деле заговорил. Прислушиваясь к его резкому гортанному говору, Семенов с трудом, но все же улавливал значение отдельных слов и смысл целых фраз. Переводчик в это время сидел, закрыв глаза, и мерно покачивался взад-вперед, то ли подтверждая правоту полковника, то ли нетерпеливо, нервно ожидая, когда он наконец умолкнет.

Но как только начальник разведотдела действительно умолк, еще с минуту продолжал сидеть в той же позе и так же мерно раскачиваться, потом вдруг медленно повернул голову к Исимуре и, взглянув на него с явным превосходством, спокойным жестким тоном произнес то, что Семенов понял и без перевода:

«Вы должны были знать все это задолго до прибытия сюда генерала Семенова».

«Переводчик, капитан, позволяет себе делать замечание полковнику, начальнику разведотдела штаба Квантунской армии?! Это в японской-то армии, в соболях-алмазах?! – изумился Семенов. – Что-то здесь не то, что-то в их «поднебесной» перевернулось вверх ногами».

⁶ О встречах с полковником Исимурой, о координации действий с японской разведкой генерал Г. М. Семенов говорил в своих показаниях на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР.

⁷ Отряд «Асано» создан в 1938 году по приказу атамана Г. М. Семенова. И русским, и японским штабами он рассматривался как кадровая основа для развертывания более крупных воинских формирований. Состоял в основном из опытных боевых офицеров. В конце 1943 года развернут в «Российские воинские отряды армии Маньчжоу-Го», ставшие костяком армии генерала Г. М. Семенова.

Он проследил за реакцией Исимуры. Ожидал вспышки гнева. Взмаха короткой, больше похожей на длинный нож, парадной сабли... Чего угодно, только не этой заискивающе-признательной улыбки. Так способен улыбаться лишь покорный судьбе подросток-ученик, твердо знающий, что учитель абсолютно не прав, но признательный уже хотя бы за то, что тот снизошел до замечания в его адрес. Поверить в искренность такой признательности мог только человек, хорошо познавший психологию отношений японцев между собой.

Атаману Семенову, привыкшему к нехитрой «матерщинной дипломатии» казачьего офицерства, вообще, в самой сути воспринимать, а тем более – смириться с таким миропониманием японцев оказалось крайне сложно. Хотя и старался. А уж в данной, конкретной ситуации он вообще ничего не понимал.

– Полковник наслышан о действиях отряда маньчжурских легионеров под командованием ротмистра Курбатова, – переводил капитан вовсе не то, о чем говорил Исимура, которого он только что позволил себе отчитать за полное неведение относительно судьбы Курбатова. – Но был бы не против услышать от вас, как действует этот отряд и где он сейчас находится, был бы не против...

– Отряд легионеров с боями продвигается в сторону Урала. Совершая при этом диверсии на железной дороге, – мрачно отчеканил генерал.

Беседа проходила на втором этаже старинного особняка, построенного в порыве причудливой эклектики западноевропейского и китайского архитектурных стилей. Вывеска какой-то торговой фирмы, украшавшая фасад первого этажа, могла сбить с толку разве что приезжего крестьянина, ибо, наверное, весь город давно знал, что под ней скрывается какое-то японское учреждение, занимающееся поставками для армии.

Однако это уже маскировка в сугубо японском стиле. Поскольку всячески демаскируемая секретная резиденция армейских поставщиков на самом деле являлась резиденцией разведывательного управления Генерального штаба вооруженных сил, или как оно там в действительности называлось.

Бамбуковая мебель, завезенная сюда, вероятно, в виде трофея то ли из Филиппин, то ли с берегов Меконга, располагала к непринужденности и философскому самосозерцанию. Если бы только очистить ее от вежливо раскланивающихся японцев.

– И что, он дойдет до Германии?

– Не весь. Но дойдет.

– Конечно, конечно, там собраны лучшие диверсанты, прошедшие подготовку в Харбинской секретной школе «Российского фашистского союза», лучшие диверсанты... – капитан улыбался настолько жизнерадостно, словно это он обязан был заверить Семенова, что в отряде собрано не выловленное по кабакам и притонам деморализованное офицерское отребье, а именно цвет белоказачьей разведки. – Господин полковник в этом не сомневается.

Исимура усиленно кивал, хотя переводчик так и не удосужился перевести ему ни вопросы, ни ответы.

«Кого они здесь дурачат, в соболях-алмазах?! – холодно оскалился по этому поводу атаман. – Будто я не вижу, что Исимуре нужен этот переводчик, точно так же, как переводчику – Исимура».

Однако высказать свои умозаключения вслух генерал не решился. Хотя бы потому, что теперь это уже в его интересах: делать вид, будто ничего особенного не происходит.

– Могу ли поинтересоваться, чем вызван ваш интерес к Курбатову? – в этот раз атаман обратился все же не к Исимуре, а непосредственно к переводчику. Но тот понял свою оплошность и принялся старательно переводить вопрос полковнику.

– Я хотел бы задать этот же вопрос начальнику германской разведки, – последовал ответ. – Как это ни странно, немцам уже известно о группе Курбатова, и наши союзники проявляют к ней очень странное внимание.

- Странное? Еще бы. Они ведь знают, что Курбатов идет к границам рейха.
- Думаю, они подыщут ему работу еще в границах России. Это в их интересах.
- То есть захотят превратить в агента абвера, в соболях-алмазах? Пусть своих лучше готовят. А то ведь энкаведэшники вылавливают их абверовцев сотнями.

Исимура и переводчик едва заметно переглянулись. И хотя Исимура не произнес ни слова, переводчик поспешил объявить:

– Полковник Исимура вынужден на несколько минут оставить нас. Но это не мешает нам поговорить о ротмистре Курбатове, – жизнерадостно озарил атамана своей желтозубой улыбкой капитан. – А потом я все передам полковнику, потом передам...

«Желает поговорить со мной о Курбатове без свидетелей, – еще больше укрепился в своих подозрениях атаман Семенов. – Что ж, так и должно было случиться».

8

Живая людская изгородь кончилась. Тропинка заюлила по склону холма. Впереди – костер и спина безучастного ко всему, что здесь происходит, палача.

«Неужели действительно палача? Без гестапо? Без допроса? Без суда? Хотя бы какой-то видимости его? Они все еще не поняли, кто попал им в руки, – осенило Беркута. – Но тогда почему вдруг такая помпезная процессия? Нет, они все прекрасно поняли. Вон скольких селян успели согнать. Сторожили. Дали спокойно поспать, пока разожгут костер. Чтобы казнить при свидетелях. Смотрите на гибель партизанского командира. Беркута больше нет, с остальными будет то же самое».

– Чего опять остановился?! Пшел, тебе говорят!

«Пшел» – это уже из белогвардейского лексикона. Начальник полиции, что ли? Френч, как у Керенского. А ведь страха-то нет! Оказывается, безразличием можно убить даже страх перед костром, усталостью и порожденным ею безразличием. Где та старушенция, которая подбросит в огонь хворостину? Не забыть бы крикнуть перед смертью: «О, святая простота!»

Руки уже связаны? Когда успели? Ах да, после удара по голове... Черт, он даже не заметил, как это произошло. Что ж, видно, так оно все и должно было произойти. Без мучений бы, по-солдатски.

На холм его взгоняют стволами автоматов и ударами сапог. Он уже явственно различает припертое к высокому камню толстое неотесанное бревно с небрежно брошенной на него веревкой. Привяжут. Распнут, как Христа. Скорее антихриста, поскольку безбожник. Ну уж нет!

Развернувшись, он сумел уклониться от нацеленного на него штыка и изо всей силы ударил немца головой в живот. Явственно ощутил, как ребро солдатской пряжки вспахало ему лоб, однако это уже не в счет. Главное, что немец упал. А тем временем Беркут врезался в бок другого конвоира...

...Придя в себя, он едва смог оторвать голову от земли. Костер почти рядом. Жар обжигает ему лицо. По ту сторону костра – бревно. И десятки стволов. На которые ему самое время взмолиться. Пуля – не костер.

Только палач все еще сидит. Спокойно, безучастно. Как и подобает палачу.

Лейтенант попытался разглядеть его лицо, но не смог. Дым, слезы... Очертания расплываются. А ведь это лицо палача. Его надо бы разглядеть. Унести с собой образ. Пристрелил бы кто-нибудь. Или хотя бы потерять сознание раньше, чем окажется в огне.

«...И принять смерть, как подобает офицеру...»

«...Как подобает офицеру». Откуда это? Училище? Фильм? Да это же напутствие отца! Перед отъездом в Брестский укрепрайон. «Как подобает...» Он прав. Нужно встать. Встать и принять ее... Как подобает офицеру...»

– Отставить!

Откуда этот архангельский голос? Небеса заступаются за него, что ли?

– Приказано отставить!

Кто кричит? Что это за странная машина? Ах да, все та же, теперь порядком искоженная, бельгийская полицейская машина, переоборудованная гестапо под «фюрер-пропаганд-машинен». Неужели сам Штубер прибыл? Явился. Успел. Скорее всего, спектакль: с костром, палачом и распятием. Спаситель, как всегда, появляется в последнюю минуту. На то он и спаситель. Правда, он потребует за это двойную плату.

Впрочем, какая разница? Лучше бы сейчас, сразу... И все же... подняться. Не ползать! Как подобает офицеру!

9

– Это вы, Скорцени? – повторил свой вопрос Гитлер, словно не верил, что черная телефонная трубка, которую он держит сейчас в руке, способна воспроизводить тевтонский рык первого диверсанта империи.

– Я, мой фюрер.

– Вы – истинный солдат рейха, Скорцени. У Германии нет более храброго и преданного солдата, – взволнованно проговорил фюрер. Обычно, говоря по телефону, он как бы выкрикивал каждое слово, преподнося его слушателю в форме жесткого неоспоримого приказа. Даже если это была личная просьба. Но теперь он тяжело, натужно дышал в трубку, стараясь говорить как можно тише, а значит, доверительнее. Хотя временами Скорцени едва мог слышать его. – Этой услуги я никогда не забуду. Я уже сказал Гиммлеру, что СС может гордиться таким штурмбаннфюрером.

– Простите, мой фюрер...

– Я не оговорился, партайгеноссе, – окреп голос Гитлера. – Именно штурмбаннфюрером.

– Благодарю, мой фюрер, – тоже чуть повысив голос, отчеканил Скорцени. Он испытывал искреннее уважение к человеку, вернувшему Германии ее былое величие, вознесшему ее на гребень воинской славы. Но никогда не ощущал страха перед ним. А потому, как и с Гиммлером, Геббельсом, Кальтенбруннером, всегда держался независимо. Он, человек, знающий себе цену и ясно видящий собственный путь, мог позволить себе такое. Да, собственный путь... – Я жду приказа.

– Конечно, конечно... – замялся фюрер. – Мы подумаем над тем, чтобы в истории рейха вашему подвигу было отведено достойное место. Освобождение дуче, вся эта операция в Италии потрясли и союзников, и, тем более, врагов. Они поняли, что в мире не существует ничего такого, что не было бы под силу бессмертному черному легиону СС, службе имперской безопасности. И пусть они там, за Ла-Маншем, за океаном и Днестром, всегда помнят об этом. Вы слышите меня, гаупт... то есть штурмбаннфюрер?

– Я внимательно слушаю, мой фюрер. Преданные мне люди готовы к выполнению любого приказа в любой точке планеты. Буду стремиться, чтобы черный легион пополнялся талантливейшими диверсантами.

– Талантливейшими!

Скорцени взглянул на стоящего рядом по стойке «смирно» Ланцирга. Тот понял, что и так слишком задержался. Его подводило любопытство. Очень уж хотелось присутствовать при разговоре с Самим.

Развернувшись, Ланцирг неслышно прикрыл за собой дверь.

– Как чувствует себя наш гость? – Скорцени не нужно было объяснять, кого фюрер называет «гостем».

– В полной безопасности. С волнением ждет встречи с вами. Не терпится определить будущее свое и Италии.

– Италия уже избрала путь. Избрала давно. Я переговорю с ним. Чуть позже. Ганс Бауер получил мой приказ. Завтра вы и наш гость будете в ставке. А пока позаботьтесь об исключительной безопасности гостя. Ис-клю-чи-тельной.

– В этом не может быть никаких сомнений.

10

Фюрер умолк, и Скорцени уже решил было, что разговор окончен. Нужно лишь дожидаться, когда он повесит трубку. Однако пауза затянулась. Все, кому приходилось встречаться с Гитлером, знали о нервных, тягостных паузах, которыми он, скорее всего неумышленно, изводил собеседников. Особенно когда те чувствовали, что от воли фюрера зависят в эти минуты их судьбы.

Скорцени даже казалось, что в последнее время, в связи с неудачами на Восточном фронте, предательством союзников, всеми теми нервными и физическими перегрузками, которые приходилось переносить фюреру, паузы становились все длиннее и непреднамереннее. Это заметно было даже по его выступлениям по радио, по кадрам кинохроники.

– Вы говорили о приказе, Скорцени, – неожиданно ожила трубка. – Не сомневаюсь, что действительно в состоянии выполнить любой приказ. Не зря кое-кто в ставке уже называет вас первым диверсантом рейха. Это не совсем верно. – Скорцени напрягся. – Вас должны называть первым диверсантом мира. И так будет, Скорцени.

– Весьма польщен, мой фюрер. Хотя и недостойн, – вклинился в очередную небольшую паузу новоиспеченный штурмбаннфюрер.

– Он последует, этот приказ! – резко молвил Гитлер. – Возможно, это будет операция, которая даже затмит операцию по освобождению нашего союзника и моего личного друга Бенито Муссолини. Сейчас нам нужно побольше таких блестящих операций. В них – сам дух СС, дух Германии. Они должны вдохновлять нацию, Скорцени.

– Готов служить, мой фюрер, – тяжело прогромыхал Отто. Он никогда не знал, как вести себя в подобных ситуациях. Любые слова давались ему сейчас крайне тяжело.

– Но о заданиях потом, – своевременно прервал разговор Гитлер. И не только из опасения, что кто-то может подслушать их. Просто не был готов к нему. – Мы поговорим об этом в ставке, штурмбаннфюрер. И знайте, Скорцени, я никогда не забуду вашей услуги...

– Жду приказа, мой фюрер.

Положив трубку, Скорцени сунул руки в карманы брюк и несколько минут смотрел в окно, покачиваясь на носках до блеска начищенных сапог.

«Он последует, этот приказ» – Гитлер не мог сказать нечто подобное просто так. А значит, в ближайшее же время нужно быть готовым... К чему? Он даже не пытался предугадать. Это невозможно. Интересно, кому фюрер поручит огласить свой приказ: Кальтенбруннеру? Шелленбергу? Гиммлеру?..

Он предпочел бы иметь дело с начальником полиции безопасности и службы безопасности (СД) Кальтенбруннером. Достаточно высокий уровень полномочий и минимум мелочной опеки – именно то, что больше всего устраивало Скорцени. Конечно, он мечтал о дне, когда будет иметь свою собственную диверсионную службу, а значит, право не отчитываться о ее и своих действиях ни перед кем, кроме фюрера. Но такого положения в службе имперской безопасности и СС еще нужно достичь.

Корабельная сирена, пробивавшаяся в его апартаменты со стороны Дуная, долго и заунывно вспахивала душу, пытаясь вернуть ей привычное течение обыденной жизни. Но Скорцени, как мог, сопротивлялся этому. Звонок фюрера все еще вызвал к его амбициям к фантазии.

Впрочем, задание может оказаться настолько конфиденциальным, что получать его снова придется в кабинете фюрера в «Волчьем логове». Как это было с заданием по освобождению Муссолини. Такой вариант еще более предпочтительный. По крайней мере он, Скорцени, вновь оказался бы предоставленным самому себе. Хотя бы на время одной операции.

– Я еще вернусь в этот мир! Я еще пройду его от океана до океана!

Скорцени оглянулся. В комнате никого. Забывшись, он произнес это вслух. Как девиз. Впрочем, это и есть девиз. Начертанный на его родовом гербе Высшими Силами.

– Господин гауптштурмфюрер!

– С этой минуты штурмбаннфюрер, – спокойно заметил Скорцени и, выждав, пока Хеттль переварит и усвоит эту новость, жестко привел его в чувство: – Слушаю вас, Хеттль, слушаю. Вы разволновались так, словно это не меня, а вас повысили в чине.

Стоявшие за спиной Хеттля Ланцирг и лейтенант-десантник Ханске с трудом сумели сдержать смех. Да и то лишь потому, что старались пощадить самолюбие бывшего морского офицера, которому на суше действительно не очень-то везло с чинами.

– Господин Муссолини просит вас зайти, – Хеттль лично отвечал за охрану дуче, поневоле превращаясь в его адъютанта и телохранителя.

– Он уже знает о звонке? – кивнул Скорцени в сторону аппарата.

– Знает.

– Тем лучше. Что тревожит дуче? Здесь, в безопасной для него Вене?

– Не может понять, почему его сразу же не перебросили в Берлин или в ставку Гитлера в Восточной Пруссии. По крайней мере лично я так расшифровал бы его волнение.

Скорцени молча прошел мимо Хеттля. В коридоре он оценивающе осмотрел поприжимавшихся к стенам, затаившихся за колоннами и в нишах десантников генерала Штудента. Выглянув в окно, отыскал взглядом нескольких своих курсантов, «коршунов Фриденделя» в гражданском.

– Появлялись ли какие-либо подозрительные личности? Настораживающие обстоятельства? – негромко спросил следующего за ним по пятам Хеттля.

– Не замечено.

– Представляю себе, какое осатанение происходит сейчас в разведках и контрразведках новых союзников итальянского короля и маршала Бадольо. Особенно нервничают, естественно, англичане. Проглотить такой диверсионно-собачий пудинг на виду у всего мира им будет непросто.

11

Оставшись наедине с Семеновым, капитан-переводчик почувствовал себя свободнее, предложил атаману американскую сигару и какое-то время все с той же иезуитско-вежливой улыбкой наблюдал, как тот вальяжно раскуривает ее. При этом он смотрел на генерала такими глазами, словно ожидал, что сигара вот-вот взорвется во рту русского.

– Словом, не нравится вам, что немецкая разведка заинтересовалась группой Курбатова, – по-простецки возобновил разговор Семенов. – Ясное дело, не нравится, в соболях-алмазах. Соперничество по всей линии невидимых фронтов. Объяснимо... объяснимо.

Произнося это, атаман рассматривал свою заметно дрожавшую между пальцев сигару и упустил тот момент, когда лицо переводчика стало суровым, а в глазах заиграли хищные огоньки азиатского коварства.

– Немцы тоже убеждены в этом, генераль, – это «генераль» у капитана получилось на французский манер. – Как только Курбатов окажется в Берлине, там же окажется и наш агент, который получил задание убить его.

Семенов мрачно уставился на японца.

Жестко сцепленные губы переводчика с презрительно опущенными уголками могли означать лишь абсолютное презрение его к мнению и эмоциям собеседника.

– Что значит «убить»? Что произошло? – нервно спросил главнокомандующий вооруженными силами Дальнего Востока. – Готовя эту группу, мы достаточно полно информировали штаб Квантунской армии. Переход границы рейха задуман нами не для того, чтобы остатки маньчжурских легионеров смогли наняться на службу к немцам, в соболях-алмазах. Обычный пропагандистский рейд.

– Наш агент в самом деле получил задание убить ротмистра Курбатова. Но он не успеет сделать этого, поскольку окажется схваченным гестапо. Буквально за час до того, как должны будут прозвучать выстрелы, – спокойно продолжал переводчик. – Что поделаешь, даже очень опытным нашим агентам тоже иногда не везет, даже опытным агентам... Особенно если этот агент – поляк.

– Опять эти ваши «невинные забавы разведки»?

– В соболях-алмазах, – добавил за генерала переводчик.

– Честно скажу, мне бы не хотелось, чтобы с этим моим офицером произошло что-либо подобное тому, что произойдет с вашим поляком.

– Несостоявшееся покушение на Курбатова будет объяснено тем, что он не желает работать на японскую разведку и стремится перейти на сторону немцев, будет объяснено... Жизни в Маньчжурии или Японии ротмистр предпочитает жизнь в Европе. Нам это не нравится, разве не так?

«Объяснил бы ты все это попроще, – мысленно возмутился Семенов. – Что ты мне рога бараньи на шею вешаешь?»

– Но по-настоящему Курбатов начнет работать на вас лишь тогда, когда станет немецким агентом? – молвил он вслух. – Верно я понял?

– Английским.

– Простите?

– Я сказал: «английским».

– Ну и размах! Агент четырех разведок? – скептически покачал головой Семенов.

– Но при этом ротмистр Курбатов станет одним из лучших диверсантов Скорцени. Для нас главное, чтобы он держался поближе к Скорцени. Нам нужно знать все, что делает первый диверсант рейха, нам нужно знать... – Теперь капитан уже не улыбался. Он гортанно выкри-

кивал каждое слово, будто произносил речь перед полком Квантунской армии. – Японская разведка должна располагать всеми сведениями о Скорцени, всеми сведениями.

– Вы же союзники.

– Конечно, союзники. Поэтому ротмистр Курбатов всегда должен быть рядом со Скорцени. О любой операции Скорцени мы должны знать задолго до того, как о ней узнает сам Скорцени, о любой операции...

– То есть нам предстоит как-то подвести его к штурмбаннфюреру.

– Подвести.

– Значит, моим людям следует надежно связаться с немцами. – Семенов с таким нетерпением заерзал в своем бамбуковом кресле, словно порывался сейчас же подхватиться, чтобы поспешить наладить эту самую связь, в соболях-алмазах.

– Это будет нелегко, генераль.

– Естественно. До сих пор мы не имели никакой особой связи с германской разведкой. Да и вы, японцы, не поощряли это.

– Не поощряли, да, – вдруг вспомнил японец об обязанности расточать свои истинно азиатские улыбки. – Однако ротмистра Курбатова это не касается. У нас нет связи, но о Курбатове Скорцени уже знает.

Семенов внимательно присмотрелся к переводчику.

– Откуда вам это известно? И каким образом он мог узнать о Курбатове?

– Мы ему сказали, – простодушно улыбнулся японец. – Вежливо сказали. Через наших агентов. И Скорцени уже намерен связаться с Курбатовым.

– Значит, штурмбаннфюрер готов будет принять ротмистра?

– Он был готов к этому в тот же день, когда Курбатов перешел границу России. Сейчас Скорцени связывается с ним.

– В соболях-алмазах! Хорошо работаете.

– Да, мы хорошо работаем, – оскалил по-крысиному длинные узкие зубы капитан.

– А вот мы потеряли Курбатова из виду. Трудно даже предположить, где он теперь находится. И жив ли.

– Жив. Вчера был жив. Скорцени уже вышел на его след. Ротмистр Курбатов будет выполнять его задание.

– Но как вам удалось получить эти сведения?

– Используем старую белогвардейскую агентуру. Кроме того, начиная от Волги, рядом с Курбатовым будут идти два наших агента из русских. О которых он не будет знать. В трудную минуту они попытаются помочь ему.

– Почему он не может знать об этом? – Семенов вдруг ощутил, что беседа с японцем основательно утомила его. Казаку-рубке все эти шпионские хитросплетения всегда были чужды и непонятны, а уж тем более сейчас, когда он весь нацелен на то, чтобы спровоцировать японцев на выступление против красных. Ведь самое время.

– Об этом не должен знать никто. Даже в вашем штабе, генераль, – учтиво сложил руки у подбородка японец. – И когда Скорцени поймет, что Германия проиграла войну и как диверсант станет работать на американцев, Курбатов тоже обязан будет остаться с ним.

– Вон оно куда потянулись щупальца тихоокеанского краба, – понимающе улыбнулся теперь уже Семенов. – Интересно, зачем вы выкладываете все это мне?

– Чтобы впредь вы лично командовали Курбатовым. Тогда ни вы, ни ваши люди не станут мешать нам.

– Словом, хотите перекупить его у нас?

– Хотите, – повторил переводчик, не сориентировавшись в тонкостях русского.

– Но для меня Курбатов важен тем, что даст возможность связаться с генералами Красновым, Власовым, Шкуро.

– Шкуро? Кто такой Шкуро? – насторожился японец.

– Генерал-лейтенант. Будем считать, заместитель генерала Краснова.

Пока он это объяснял, японец мгновенно успел выхватить авторучку и записать фамилию генерала.

– Хорошо, императорская разведка не станет возражать. Он свяжется с генералами Красновым, Власовым и этим... Шкуро. Мы ему поможем сделать это. Но Курбатов должен оставаться диверсантом Скорцени, должен оставаться...

Появилась миловидная японка. Присев вместе с подносом, она так, полусидя, поставила на столик между мужчинами чашки с саке и блюда, на которых лежало по два бутерброда с черной икрой. Японец перехватил алчный взгляд генерала, которым тот проводил юную официантку. Он знал пристрастие Семенова к юным японкам – именно японкам, – которым он отдавал предпочтение перед всеми остальными женщинами этого дальневосточного Вавилона. Хотя прибывало их сюда пока что до обидного мало.

Поговорив еще несколько минут, они осушили чашечки и, закусив саке бутербродами, появившимися здесь только потому, что за столиком сидел русский, – Семенов никогда не видел, чтобы японцы закусывали саке бутербродами, да еще с икрой, – они принялись за чай. Но принесла его уже другая японка, еще поменьше ростом и еще более юная. И от переводчика не ускользнуло, что, не сдержавшись, Семенов, по сугубо русской привычке, прошелся руками по ее маленьким пухлым бедрышкам.

Стоило ей удалиться, как появился полковник Исимура. Он как ни в чем не бывало уселся на свое место и, сохраняя абсолютную невозмутимость, повернул застывшую маску своего лица куда-то к окну.

Пока Семенов допивал чай, переводчик бегло пересказал ему разговор с генералом. Но лишь в самых общих выражениях. Ни словом не упомянув ни о Скорцени, ни о шпионах-спутниках, которым надлежит сопровождать Курбатова от Волги до границ рейха. Но, похоже, Исимуру не интересовало даже то, что капитан соизволил ему сообщить.

Прощаясь с ним, оба японца очень долго и вежливо раскланивались. При этом Исимура отвесил ровно на три поклона больше, чем переводчик. Что опять заставило Семенова задуматься над тем, кто есть кто. На три поклона больше, чем офицер ниже тебя по чину, – таких случайностей у самураев не случается.

12

Клюге встретил Герделера довольно воинственно.

– Что вас привело ко мне? Желание попасть на Восточный фронт? Можете считать, что вы уже там. Только обмундировываться следовало еще в Берлине, здесь, знаете ли, с этим сложновато.

Герделер когда-то был немного знаком с фельдмаршалом. Но знакомство их происходило еще тогда, когда Клюге не имел не только фельдмаршальского жезла, но и генеральских лампас. Судя по тому, как по-простецки Клюге воспринял его, он все еще помнил о существовании доктора Герделера. Другое дело, что воспоминания о берлинских встречах вежливости ему не придавали.

– В столице тоже не легче, – заметил Герделер, вручая фельдмаршалу рекомендательное письмо генерал-полковника Бека.

Клюге прочел его стоя, вынудив при этом стоять и чертовски уставшего Герделера. Фельдмаршалу вот-вот должно было исполниться шестьдесят. Но держался он довольно молодцевато. Армейская выправка еще только начинала предавать его, а массивная, основательно облысевшая голова по-прежнему возносилась над бранным миром, поддерживаемая величием чинов, аристократической родословной и созданием неуязвимого достоинства.

– Генерал Бек, – небрежно швырнул фельдмаршал письмо на стол перед собой и, вызвав адъютанта, приказал принести коньяку, бутерброды и кофе. Он предложил кресло Герделеру и сам тоже уселся с таким бессилием, словно смертельно уставший паломник на придорожный камень. – Пражский миротворец⁸. Позор без всякого приличия. Он все еще не у дел?

– Пока... не у дел, – многозначительно ответил Герделер, потянувшись подбородком к лежащему между ними письму.

– Ваше «пока» слишком затянулось.

– С этим я, пожалуй, соглашусь.

– Позор без всякого приличия.

Герделер надеялся, что это «позор без всякого приличия» не напрямую относится к «пражскому миротворцу».

– Держать такого генерала не у дел – действительно позор. Но пусть это остается на совести фюрера.

Клюге прокашлялся и вопросительно взглянул на Герделера. «Попросил бы не упоминать сие имя в подобном позоре без всякого приличия» – как бы требовал его взгляд.

– Мы можем говорить откровенно? – прямо спросил Герделер. – Настолько откровенно, чтобы я, генерал Бек, генерал Ольбрихт и другие могли быть уверены: все сказанное здесь останется между нами?

– Я кому-то должен поклясться? Кажется, именно ради этого разговора вы и приехали, – уклончиво ответил Клюге.

– Совершенно ясно, что на Восточном фронте Германия терпит поражение. Рейх не в состоянии больше вести войну против всей Европы.

– Можете не сомневаться, – саркастически ухмыльнулся фельдмаршал, – что это ваше сугубо конфиденциальное откровение останется между нами.

Все, что говорил дальше доктор Герделер, фельдмаршал всерьез не воспринимал. Будущий рейхсканцлер подробно изложил ему взгляды «группы военных и гражданских патриотов», которую он здесь представляет, на пути спасения рейха, льстиво объяснял фельд-

⁸ «Пражский миротворец»... Намек на то, что в свое время Гитлер отстранил генерал-полковника Людвиг Бека от должности начальника штаба вермахта за его несогласие с оккупацией Праги, что со стороны Бека было неслыханной дерзостью.

маршалу, какую историческую миссию тот может взять на себя, присоединившись к их движению... Но командующий группой армий «Центр» оставался непреклонен в своем скептицизме. Что, однако, не помешало ему задать несколько «вопросов по существу», касающихся того, какая роль была бы отведена ему в рейхе, если бы то, о чем говорит Герделер, каким-то образом было осуществлено и Германия оказалась бы без фюрера.

– Будьте уверены, господин генерал-фельдмаршал, что ваши заслуги перед рейхом не были бы забыты, – единственное, в чем мог заверить его Герделер, зная, что пост президента отдан Беку, канцлера – ему, а на пост главнокомандующего сухопутными силами претендует фельдмаршал Витцлебен. Да и остальные генералы, участвовавшие в заговоре, тоже кое на что надеются.

– То есть вы не знаете, в чем конкретно может выразиться эта «признательность», – поднялся Ключе, считая, что беседа завершена. – Зато я отлично знаю, в чем она выразится, когда на вашу Бендлерштрассе нагрянут гестапо и парни Отто Скорцени. Поэтому мой вам совет, доктор: не задерживайтесь здесь, пока вами не заинтересовались местное гестапо и контрразведка.

– Надеюсь, вы не дойдете до того, чтобы?..

– Между нами состоялся обычный откровенный разговор, и не более, – прервал его Ключе.

«Господи, как он может столь беспардонно торговаться?! – почти в отчаянии подумал Герделер, покидая штаб командующего. – Так набивать себе цену? Ведь кому, как не фельдмаршалу Ключе, командующему группой «Центр», знать, насколько близка сейчас Германия от своего краха. Каким погибельным курсом ведет ее фюрер!»

Несмотря на настоятельный совет Ключе поскорее убираться из-под Смоленска, Герделер все же решился на следующий день опять потревожить его. Каково же было удивление доктора, когда Ключе охотно принял его, причем очень любезно. А еще раз выслушав доводы посланника Бека и Ольбрихта, неожиданно заявил, что он основательно подумал и что теперь на Бендлерштрассе могут полностью рассчитывать на него.

Это согласие Ключе было настолько неожиданным и звучало настолько неправдоподобно, что в первые минуты доктор решил было, что командующий попросту издевается над ним, продолжает разыгрывать вчерашний фарс.

– Я так и могу передать генералу Ольбрихту? – с дрожью в голосе спросил он фельдмаршала. Почти всю ночь Герделер провел в отчаянии, почти в состоянии прострации. Он не представлял себе, как, проделав такой огромный, трудный путь к ставке Ключе, вернется в Берлин, к своим соратникам, ни с чем. Каким жалким он будет выглядеть в их глазах. Ведь он сам вызвался ехать на эти переговоры, убеждая Ольбрихта в своей дружбе с фельдмаршалом.

– И заверить, что они могут не сомневаться в моей поддержке. Ночи мне вполне хватило для того, чтобы хорошенько взвесить все «за» и «против».

Только сейчас Герделер обратил внимание, что лицо фельдмаршала стало еще серее, на нем лежала печать неизгладимой усталости. Именно усталость явилась тем последним аргументом, который заставил его поверить Ключе.

«Я спасен, я спасен... – твердил он про себя, словно творил молитву. – Если фельдмаршал Ключе, если вся группа армий «Центр» на нашей стороне – мы добьемся своего, – нервно сжимал кулаки Герделер, оставляя ставку командующего. – Теперь главное – добраться до Берлина. Моя честь спасена, это успех».

13

Курбатов приказал группе залечь за поросшие мхом валуны и несколько минут всматривался в очертания небольшой леспромхозовской хижины.

– Эй, бродяга, прекрати пальбу! За сопротивление милиции – сам знаешь! Сдавайся! – визгливым фальцетом увещевал того, кто засел в этой обители, один из троих милиционеров. – Это я тебе говорю, участковый Колзин!

Милиционеры расположились ниже по склону, метрах в двадцати от маньчжурских легионеров. Курбатов предпочел бы обойти их, однако сделать это было довольно сложно. Справа и слева от гряды, за которой они залегли, начинались крутые осыпи. А возвращаться на перевал, чтобы потом искать более подходящий и безлюдный спуск – значит потерять уйму времени.

– Чего ты ждешь?! – дожимал оборонявшегося Колзин. – Выходи! Обещаю оформить повинную! Я свое слово держу! Это я тебе говорю, младший лейтенант Колзин!

Милиционеры залегли, охватывая избушку с трех сторон, и если бы бродяга попробовал уйти в сторону бурной речушки, те двое, что находились почти у берега, взяли бы его под перекрестный огонь.

– Что предпринимаем? – переметнулся к Курбатову подпоручик Тирбах.

– Подождем несколько минут. У того, что в домике, заканчиваются патроны, – едва слышно ответил Курбатов.

– Может, стоит помочь ему?

– Чтобы выпустить на волю еще одного заматеревшего волка-одиночку... – поддержал его мысль Курбатов.

– Ваша идея. От своих идей отрекаться грешно.

– Вопрос: как ему помочь?

Еще несколько секунд князь колебался. В открытую выйти на горную поляну – означало подставить себя под пули засевшего в домике бродяги. Не объяснишь же ему, кто ты. Но и терять время тоже не хотелось.

– Подпоручик, берете правого. Желательно с первого выстрела. Чолданов, страхуете Влаसेвича.

– Есть.

– Иволгин, Радчук, снимаете ближнего, что прямо под нами.

– Крикливого, – уточнил Иволгин.

Курбатов поднялся и, пригибаясь, неслышно ступая по усыпанному хвоей кряжу, перешел к ветвистой сосне, ствол которой причудливо изгибался, зависая над валунами, за которыми нашел себе пристанище Колзин.

– Он вышиб окно! – предупредил милиционер, находившийся слева от домика. – Собрался прорываться!

Его крик отвлек внимание Колзина, и этого оказалось достаточно. Ухватившись за ветку сосны, Курбатов завис над ним и ударом ноги в висок поверг наземь. В ту же минуту Влаसेвич сразил другого милиционера и бросился вниз, увлекая за собой остальных диверсантов. Третий милиционер попытался уйти по берегу реки, но был ранен в спину и, осев у склада с полуобвалившейся крышей, жалобно, по-бабьи запричитал:

– Убили! Вы же меня убили! Вы же меня...

– Теперь можешь выходить! – скомандовал Курбатов, когда раненого окончательно угомонили, а Колзина он еще раз оглушил рукоятью пистолета. – Милиционеры тебе уже не страшны!

Домик вновь был оцеплен. Радчук и Матвеев затаились по углам его, контролируя окна и двери.

– А вы кто?! – хриловатым, дрожащим голосом спросил осажденный, все еще не веря в свое спасение.

– Кто бы мы ни были – тебе повезло! – ответил Матвеев. – Бросай автомат и выходи. Да не вздумай палить! Мы не милиционеры: ни прокурор, ни адвокат тебе не понадобятся.

– Так ведь нечем уже палить! Счастье, что легавые не догадались.

Бродяга вышвырнул через окно автомат, потом пистолет, которые тотчас же были подбраны Радчуком, и вышел с поднятыми руками. На нем был изорванный, прогоревший в нескольких местах ватник, под которым, однако, виднелась гимнастерка.

– Так это вы, ротмистр! – с удивлением воскликнул он, присмотревшись к приближающемуся Курбатову. – Опять вы?!

Заросший, оборванный, он стоял перед диверсантами, словно высаженный на безлюдный остров пират – у своей хижины. В глазах его радость спасения смешивалась с почти мистическим страхом.

– Иисус Христос не поспешил бы тебе на помощь с таким рвением и самопожертвованием, с каким спешили мы, – узнал в нем Курбатов того самого сержанта, которого они взяли в плен и после диверсии на железке превратили в «волка-одиночку». Вот только фамилии вспомнить не мог.

– Что правда, то правда. Я уж думал: все, отбродил свое по лесам-перелескам...

– Зря, – рассмеялся Курбатов, – взгляни, сколько у тебя ангелов-хранителей. Только воевать нужно решительнее. Спасовать перед тремя милиционерами – это не дело.

– Не обучен. Теперь все, с собой берите. Куда мне одному, даже в тайге?

Притащили милиционера Колзина и швырнули к ногам подполковника.

– Все еще жив, – с удивлением объяснил Тирбах. – Что прикажете делать?

Курбатов оценивающе окинул взглядом фигуры Колзина и полуодичавшего сержанта.

– Раздеть и голого – на сосну. Только подальше отсюда. А ты, Волк, – обратился он к сержанту, – быстро переоденься в милицеейское, побрейся и вообще, прими надлежащий вид. Отныне ты, – заглянул в удостоверение, – младший лейтенант милиции Дмитрий Колзин. Что, фамилия не нравится? Другое удостоверение раздобудем.

– Но теперь-то я могу пойти с вами? – вновь с надеждой спросил Волк.

– Пока перевоплощайся. Подумаем.

14

Котловина, в которой находилась эта лесная избушка, напоминала кратер давно угасшего вулкана. С севера и с юга отроги невысоких хребтов смыкались над скалистым ложем реки, создавая некое подобие большой чаши.

Ветры гор сюда не проникали, студеной байкальский туман развеивался между сосновыми вершинами прибрежных кряжей, а зависшее на горном пике солнце светило только для этого затерянного мирка – нежаркое, но достаточно теплое, безмятежно купающееся в синеве небесного океана.

Окунаясь в ледяную купель речной заводи, Курбатов понимал, что вести себя столь беспечно почти на окраине города – равнозначно самоубийству, но все же умудрился несколько раз переплыть образовавшееся озерцо от берега к берегу и потом, стоя совершенно голым между замшелыми камнями, долго растирал почти ооченевшее тело грубым самотканым полотенцем – жестким, словно растрепанная циновка.

Он твердо решил, что должен пройти эту страну, убивая в себе всякий страх. Доверившись судьбе. Не он – его должны бояться. Он пронесется над Европой подобно смерчу. Чтобы при одном упоминании о Легионере враги его трепетали.

Наскоро пообедав японскими консервами, Курбатов с интересом взял в руки газету, извлеченную Тирбахом из планшета Колзина. На первой же страничке ее сообщалось о суде над местными врагами народа. Судили пятерых. Все они объявлены саботажниками и пособниками иностранных разведок.

Подполковнику не раз приходилось читать довоенные советские газеты, и каждый раз его потрясали маниакальность режима, который с такой жестокостью видел врага в каждом, кто осмеливался хоть на минутку усомниться в гениальности вождя всех времен и народов, обронить неосторожное слово по поводу советской власти или имел несчастье происходить не из пролетариев. Впрочем, пролетариев в этом коммунистическом Содоме тоже не очень-то щадили.

– Господин подполковник, позвольте представить: младший лейтенант милиции Дмитрий Колзин.

Курбатов сидел, привалившись спиной к стене избушки и подставив лицо солнечным лучам. Старые бревна вбирали в себя его усталость, и князь ощущал, как тело оживает и возрождается. Увидев перед собой Тирбаха и Волка, – подполковник так и решил именовать захваченного ими в плен сержанта Волком, – он отложил газету и пристально всмотрелся в осунувшееся бледноватое лицо новоиспеченного «милиционера».

– Чего тебе еще желать, Колзин? Отныне ты – офицер милиции. Царь и бог. Все дрожат, уважают и ублажают.

– Надолго ли?

– Эт-то зависит от тебя самого. Как долго сумеешь.

– Теперь я действительно превратился в волка, которому только-то и делать, что рыскать по тайге, – дрогнувшим голосом проговорил «милиционер».

Курбатов поднялся и с высоты своего роста смерил Волка презрительным взглядом человека, для которого его проблемы и страхи представляются смехотворными.

– Ты еще только должен по-настоящему осознать себя волком. Ты еще только должен озвереть настолько, чтобы не ты людей, люди тебя сторонились, избегали. И вот тогда, лишь тогда, почувствуешь себя сильным и свободным, абсолютно свободным. От страха и угрызений совести. От необходимости трудиться за гроши и поклоняться их идолам; служить и подчиняться.

– Да уж, свободным... – окончательно помрачнел Волк.

– Так чего ты хочешь? Гнить в земле, как эти милиционеры, форму одного из которых надел?

– На меня надели, – пробубнил Волк.

– Неблагодарная тварь, – презрительно процедил фон Тирбах. – Мы во второй раз спасли тебе жизнь. И после этого ты еще смеешь выражать недовольствие.

– Он прав, – миролюбиво объяснил Волку Курбатов. – Но я не стану ни наказывать тебя, ни переубеждать. Сейчас ты получишь пистолет и все изъятые у милиционеров патроны. Твой автомат тоже остается тебе. С этим арсеналом ты уйдешь в горы. Как будешь жить дальше – твое дело. Но запомни: продержаться следует месяц. Ровно через месяц мы прибудем к этой избушке и вместе отправимся к границе. В Маньчжурии ты пройдешь подготовку в том же лагере, в котором прошли ее все мы, и станешь настоящим диверсантом. Как сложится судьба твоя дальше, этого не может предсказать никто. Даже Иисус Христос. Но по крайней мере теперь ты будешь знать, чего ждать хотя бы в ближайшее время.

– Вот на это я согласен, – просветлело лицо Волка. – На это – да. Пойду с вами. Только... не обманите.

– Слово чести. Как офицер офицеру.

Услышав это, Тирбах скептически ухмыльнулся. Лицо самого Курбатова оставалось невозмутимо серьезным.

– Кстати, о том, чтобы вам в самом деле присвоили звание офицера, мы позаботимся.

– Что я должен делать в течение этого месяца?

– Тирбах, оставьте нас.

– Слушаюсь, господин подполковник.

* * *

Оставшись вдвоем, они пошли берегом речушки в сторону озера. Лазурный плес его оказался неподвижным, а небесно-чистая глубина отражала известково-белесые склоны пологих берегов и подводных скал.

– Прежде всего вы должны воспитать в себе мужество, Волк. – Теперь Курбатов заговорил с ним предельно вежливо и доверительно. – Спасти вас могут только храбрость и мужество. Это единственная монета и единственная месть, которой вы способны платить миру за свою судьбу, за право жить, за свободу. Не стану ограничивать вас какими-то конкретными заданиями. Пускайте под откос составы. Устраивайте засады на милицию, солдат и особенно на чекистов. Держите в страхе всю округу. Если сумеете, сформируйте небольшую группу, даже отряд. Единственное, чего вы не должны делать, – не зверствуйте в селах. Не губите крестьян. В любой ситуации вы должны оставаться воином, а не палачом.

– С чего бы я стал зверствовать, да еще в селах? – возмутился Волк. – Сам из крестьян.

– Тем более. Кстати, кто в вашем роду арестован коммунистами?

– Одного дядю расстреляли, другой в лагере. Офицером был. Красным. Вы-то откуда знаете об этом?

Курбатов снисходительно похлопал его по плечу.

– Вас не загребли, потому что пацаном были. А теперь – в солдатах. В войну пока что не до вас. Пока что...

– Это я очень даже понимаю.

– Однако вернемся к вашей нынешней жизни. Из всего сказанного не следует, что вы должны выглядеть ангелом. Нужна еда, нужны женщины. Война есть война. Но... Вот тут мы подходим к главному. Вы должны выступать под кличкой Легионер. – Курбатов умолк и выжидающе уставился на Волка.

– Так ведь вас тоже вроде бы Легионером кличут? – неуверенно молвил тот.

– В этом весь секрет. Вы остаетесь вместо меня. Будете моим двойником. Моей тенью. – Князь достал из внутреннего кармана несколько отпечатанных на глянцевой бумаге визитных карточек, на которых было написано: «За свободу России. В мужестве – вечность. Легионер».

– Что это? – с опаской взглянул на них Волк. – Такие карточки должны оставаться на теле каждого убитого коммуниста, в руках каждого отпущенного вами на свободу политического зэка. Каждый, с кем вы встретитесь и кого пощадите, должен знать: его пощадил Легионер. Каждый, кого вы казните, должен умирать с осознанием того, что казнен Легионером. Этот край должна захлестнуть легенда о Легионере. И пусть все ваши грехи падут на меня. Моя душа терпит это. Не стесняясь, называйте себя моей кличкой. Пишите ее мелом на столбах, стенах, вагонах. Выкладывайте ее камнями на склонах сопок. В аду вся ваша смола достанется мне. Живите, старайтесь, наслаждайтесь силой и свободой. Чего еще следует желать мужчине, воину?

Волк долго молчал.

– Я не думал так. Я совершенно иначе думал, – растерянно сознался он, и лицо его просветлело. Волк вдруг открыл для себя, что не все столь мрачно и безысходно в его жизни, как только что казалось. Он видел себя только обреченным, изгнанным из общества и затравленным. А ведь Курбатов и все его парни в таком же положении. Но как они держатся! Разве они чувствуют себя угнетенными? Почему же он не способен перебороть в себе страх? А ведь это правда: теперь он свободен. Перед ним вся Россия. Свободен и вооружен.

– «В мужестве – вечность»? – заглянул Волк в визитку. – Что это значит?

– Родовой девиз князей Курбатовых. Отныне он должен стать и вашим девизом, Волк.

15

Скорцени вошел в ту часть крыла, где находились покои Муссолини, но прежде чем успел постучать, дверь широко распахнулась, и перед ним предстал дуче.

– Я с большим нетерпением жду вас, гауптштурмфюрер! – взволнованно и в то же время слишком резко проговорил он. И Скорцени почувствовал: испуг и униженность пленника постепенно начали сменяться было самоуверенностью фюрера Италии.

Скорцени холодно смерил его своим пронизывающим взглядом и промолчал.

– Так я слушаю вас, господин Скорцени! – фальцетно воскликнул дуче и даже слегка поднялся на носках, чтобы казаться рядом с этим верзилой-диверсантом чуть-чуть повыше, а следовательно, значительнее.

Но Скорцени знал, что значительность, истинная значительность личности появляется тогда, когда она не зависит от чинопочитания окружающих. Когда зиждется на собственных достоинствах, а не на сомнительных, навеянных толпе, мифах о них.

– Через несколько минут вам позвонит фюрер, – спокойно пророкотал Скорцени. – Находитесь у аппарата, господин Муссолини.

И, повернувшись, не произнося больше ни слова, ушел.

– Вы уверены, что он?.. Что фюрер? – пытался членораздельно сформулировать свой вопрос дуче.

«Да дождешься ты своего звонка, макаронник, дождешься!» – с презрением успокоил его Скорцени. Правда, пока что мысленно.

Ему неприятно было осознавать, что из-за этого ничтожества отдали жизни несколько десятков по-настоящему храбрых немецких парней. Что и сам рисковал из-за него. Впрочем, нет, он, Отто Скорцени, рисковал не из-за него. Лично ему было совершенно безразлично, кого освобождать из альпинистского отеля «Кампо Императоре», что на вершине Абруццо. Он – солдат, четко выполнивший приказ. И еще: он – профессионал. Риск, которому подвергал себя, готовя эту операцию, – риск профессионала. Профессионала войны.

Как-то корреспондент газеты «Фолькишер беобахтер»⁹ – единственный журналист, которому Скорцени позволил посетить «курсы особого назначения Ораниенбург», что во Фридентале, ту самую, созданную лично им, Скорцени, диверсионно-разведывательную школу, – назвал его «романтиком войны». Тогда Скорцени встретил это сентиментальное определение презрительно-безразличной ухмылкой: терпеть не мог всего, что увязывалось с понятием «романтика».

Но сейчас, вспомнив о его словах, согласился: пожалуй, журналист прав. Невозможно стать ни первым диверсантом рейха, ни вообще сколько-нибудь стоящим диверсантом, чувствуя себя жертвой войны, случайно втянутым в ее водоворот, пушечным мясом, патроном, загоняемым в ствол чьей-то бездушно-безбожной рукой: в нужное мгновение тобой выстрелят и загонят следующий. Им невозможно стать, не обретя особого мужества, не воспитав в себе романтика войны.

⁹ «Фолькишер беобахтер» («Народный обозреватель») – официальный печатный орган национал-социалистической рабочей партии.

16

Беркут нашел в себе силы подняться, но их оказалось слишком мало, чтобы долго продержаться на ногах между прислоненным над ямой столбом для распятия и костром, у которого все так же невозмутимо сидел палач.

– Лейтенант Громов. Бывший комендант дота «Беркут» Подольского укрепрайона. Он же – Беркут, командир особого диверсионно-партизанского отряда, – представлял пленника собравшейся публике гауптштурмфюрер. – Храбрейший офицер, талантливейший диверсант. Что есть, то есть. – И лишь теперь, забыв о публике, обратился к Беркуту: – Наконец-то свиделись, лейтенант. Честно говоря, вы удивляете меня, – перешел на немецкий. – Вы ведь знаете, что мы уважаем ваш талант. Вам известны наши условия. Известно, что в Германии есть люди, которые умеют ценить храбрость, от кого бы она ни исходила.

– Вот уж чего не знал...

– Но вместо того чтобы прийти к гауптштурмфюреру Штуберу и поплакаться на бездомную партизанскую жизнь, заставляете устраивать карательные ловы. Отвлекаете от дел массу людей. Мне трудно понять вас, Беркут, такое просто невозможно понять.

– Мне проще, гауптштурмфюрер. Понять вас и ваших людей особого труда не составляет.

– Не зазнавайтесь, Беркут. Мы еще сами во всем до конца не разобрались. Это ваше «понимание» – из области дешевой пропаганды. Вашей пропаганды. У нас она, правда, не лучше. Но ведь все это для них, – кивнул в сторону согнанных жителей села, окруженных солдатами. – Мы-то с вами должны быть выше этого. Кстати, обер-лейтенант, что это за огнище вы здесь развели? Уж не сжигать ли решили парня?

– Он вполне заслуживает костра, – прохрипел тучный обер-лейтенант, командовавший всем этим представлением. – За все, что натворил, за все его преступления против рейха...

– Ах, обер-лейтенант, обер-лейтенант, кто из нас остался свят в этой войне? – легкой укоризной усовестил его Штубер. – Всем нам гореть на кострищах адовых. Зачем же еще и самим жечь друг друга?

– Так что прикажете? – очумело уставился на эсэсовца обер-лейтенант. Тонкости игры агента СД этого окопника оставались непостижимыми.

– Ага, вот и специалист, – с уважением взглянул Штубер на палача, демонстративно проигнорировав обер-лейтенанта.

И лишь тогда палач, доселе, казалось, никого не замечавший, поднялся.

– Знакомьтесь, – представил его Штубер. – Специалист по сжиганию на костре. Редкий, совершенно уникальный для нашего времени профессионал. Кличка соответствующая – Стрелок-Инквизитор. Я ничего не напутал, Инквизитор?

– Есть ремесло – должен быть и мастер, – степенно ответил Стрелок-Инквизитор.

– А, Беркут? Мудрая мысль. Каждое ремесло должно знать своего мастера. Нам, диверсантам, тоже не мешало бы помнить об этом.

Беркут попытался разглядеть лицо Стрелка-Инквизитора, но тот стоял вполоборота да к тому же прятал его за приподнятым воротником короткой немецкой шинели. Близкое знакомство с обреченным ему было явно ни к чему.

– Так что, лейтенант, – напомнил о себе Штубер, – спокойно поговорим, или сразу же предпочитаете взойти на костер? Я спрашиваю совершенно серьезно. Пусть вас не обманывает моя благодетельная улыбка.

– Возведя меня на костер, вы потеряете приятного собеседника.

– Вот как? – Штубер оглянулся на обер-лейтенанта, на фельдфебеля Зебольда, которого Беркут тоже узнал – запомнил еще с той встречи, когда являлся в крепость, где базировался отряд штуберовских рыцарей «Черного леса» в форме немецкого офицера. – А что, резонно.

Хороший разговор лучше подогреть небольшими дозами коньяка, чем медленным пламенем.

– Почти библейское изречение, – согласился партизан. – И вообще, все, что здесь происходит, очень напоминает сцены из Ветхого Завета.

– Только учтите, Беркут: хватит с меня прошлого вашего побега. Ни Бог, ни гестапо не простят мне греха, который беру на душу, ограждая вас от справедливой кары. Правда, я делаю это ради нашей с вами, – ибо мы, как любят говорить у вас, одного поля ягоды, – так вот, ради нашей с вами идеи. Но кого этим разжалобишь?

– Так что, казнь отменяется или как? – потребовал ясности обер-лейтенант, которому осточертело стоять на холодном ветру.

– Отменяется, – поморщился Штубер. Солдафонская прямолинейность обер-лейтенанта, само присутствие его очень мешали гауптштурмфюреру.

– Что тогда делать с этими? – не унимался обер-лейтенант, заметно разочарованный тем, что продолжения новобиблейского сюжета не предвидится. – С публикой из галерки?

– Основательно проверить. Если нет «достойных», то и повода учинять экзекуцию тоже пока нет.

– Яволь.

– Кто выдал нам этого опартизанившегося лейтенанта?

– Хозяин, у которого он остановился.

– Из полицаев?

– Да вроде бы нет.

– Напомните коменданту, старосте, кому там еще нужно напомнить, чтобы не забыли о нем. Всякое сотрудничество, равно как и предательство, – оглянулся Штубер на Беркута, – должно быть достойно вознаграждено. Огонь пока пригасить. Но бревно сохраните. Оно еще может пригодиться. На тот случай, если разговор с господином русским диверсантом у нас не сложится. Или бревно тоже не понадобится? Как считаете, Беркут?

– Пуля предпочтительнее, – спокойно заметил Беркут. – От пули – это по-солдатски.

– По-солдатски? От пули? – осклабился Штубер. – Ну-ну... В машину его, – приказал он фельдфебелю.

У одного из домов автобус, в котором везли Беркута, остановился. Посмотрев в окно, лейтенант узнал: тот самый дом, куда он напросился переночевать и где его предали. Хозяин стоял у ворот, опираясь на повернутые вверх зубьями вилы. Словно бы поджидал его. А может, действительно поджидал? Во всяком случае он понял, что в автобусе везут диверсанта. И заметил, что тот смотрит на него. Однако не отвернулся, не смутился. Стоял со своими вилами, готовый и дальше предать каждого, кто, как он считал, когда-то предал его – раскулачив, лишив земли, сослав в Сибирь, или какие там еще беды-кривды могли причинить этому украинскому землепашцу.

– А ведь он не кулак и не репрессированный, – как бы про себя проговорил Штубер, подсев к Беркуту и чуть приспустив бронированное стекло зарешеченного окошечка. – Я уточнял. Обычный колхозник. Не знаете, за что он так не любит вас, большевиков, а, Беркут?

– Выясним. В любом случае это наши беды.

– Увы, наши, как видите, тоже.

– Разберемся как-нибудь на досуге. Без германских фельдфебелей.

– Грубовато. Зебольд может обидеться.

17

До Берлина доктор фон Герделер добирался целую неделю. Пассажирские поезда были отданы военным чинам, в воинские эшелоны его как лицо гражданское не впускали, тем более что Герделер не очень-то и стремился привлекать к себе внимание. В конце концов ему с большим трудом удалось забраться в вагон товарного состава, идущего в Силезию. Да и то оказался в нем лишь благодаря майору Унге, сумевшему договориться с начальником охраны – тощим получахоточным фельдфебелем, подкармливавшим его в дороге своим солдатским пайком. За хорошую плату, естественно, и за обязанность выслушивать его казарменно-окопные байки.

Впрочем, Герделер настолько был признателен фельдфебелю, что не только простил ему все это, но и записал фамилию. Он теперь старался запоминать каждого, кто помогал ему или, наоборот, пытался помешать. Доктор тешил себя надеждой, что очень скоро сможет по справедливости воздать каждому за его деяния. О, он сумеет воздать, в этом пусть не сомневаются ни друзья его, ни враги. Особенно те, кто презирает его сейчас, пытаясь унизить или, что еще хуже, просто-напросто не замечать.

Только это мстительное ощущение будущего превосходства помогло фон Герделеру превратить свое полутаборное цыганское существование в вагоне, среди ящиков и каких-то тюков, в дни размышлений о будущем Германии. Будущем Четвертого рейха.

Сидя на тюке у небольшого окошечка, из которого мог обозревать сосновые перелески Белоруссии и скудные болотистые пейзажи Польши, он время от времени ловил себя на мысли: «Может ли прийти кому-либо в голову, что в этом грязном вагоне добирается до Берлина будущий рейхсканцлер Германии? Нет, об этом, похоже, не догадывается пока даже господь Бог. Иначе не допустил бы такого надругательства надо мной».

Но каждый раз, когда Герделер задумывался над ничтожностью своего дорожного бытия, он вспоминал... фюрера. Того, кого, казалось бы, должен более всех остальных ненавидеть. С чего, черт побери, начинал этот вывернувший наизнанку не только Европу, но и весь мир ефрейтор? Разве начинал он не с пивных, не с тюремной камеры, не с унижительных приемов в домах баварской аристократии, где на него, в лучшем случае, смотрели сочувственно, как на юродивого, провозглашающего праведные, но совершенно неосуществимые истины? Ибо изреченные юродивым истины тоже становились юродивыми.

«Ненавидя – учись, – приказывал себе Герделер. – Учись даже у него, даже у того, кто не достоин ничего, кроме ненависти и презрения. Ибо к величию своему злые гении проходят через те же тернии ненависти и презрения, через которые проходишь сейчас ты. Разве не с них начинал Бонапарт?»

Именно с мыслью о бессмертии славы Бонапарта он ночью, тайком, где-то посреди Силезии, пересаживался на другой товарняк, рискуя при этом быть обнаруженным военным патрулем и, если не застреленным, то по крайней мере арестованным. Жалкий и ничтожный, он все еще видел себя в ореоле славы великого корсиканца, надеясь при этом, что когда-нибудь миллионы немцев будут видеть себя в ореоле славы Герделера.

Когда фон Герделер оказался наконец в столице еще ничего не ведавшего рейха, внешний вид его был таким, что он уже опасался попадаться на глаза не столько военным патрулям, сколько обычным полицейским. Уж теперь-то его могли принять за кого угодно: бродягу, дезертира, бежавшего из концлагеря политического узника.

К счастью, прямо на вокзале ему удалось взять такси.

Услышав, что странному пассажиру понадобилось попасть на Бендлерштрассе, 13/14, водитель удивленно оглянулся на него – Герделер предусмотрительно сел на заднее сиденье – и с некоторой тревогой в голосе спросил:

– Вы уверены, что вам нужно именно туда?

– Меня не было в Берлине неделю. Проведывал сына, находящегося в госпитале в Польше, – воспользовался возможностью оправдать свой внешний вид фон Герделер. – За это время в столице что-то изменилось?

– На Бендлерштрассе, 13/14 находится «Бендлерблок», штаб командования армией резерва. Мне часто приходится доставлять туда господ военных. Но вы, насколько я понял... К тому же, простите, ваш вид...

– В таком случае можете считать, что вы еще ни-че-го не поняли, – угрожающе наклонился к нему фон Герделер, поклявшись, что, как только придет к власти, сразу же отправит этого любопытствующего идиота на трудовой фронт. – Немедленно к «Бендлерблоку»!

– Это я к тому, что уже поздновато, около шести вечера. Вряд ли вы кого-либо застанете там, – попытался оправдываться водитель. Но, натолкнувшись на злое молчание пассажира, умолк, не проронив больше ни слова.

Заметив это, Герделер подумал, что, возможно, таксист догадывается: «Рядом со мной находится тот, знакомством с которым, пусть даже случайным, я через несколько месяцев смогу гордиться».

18

Полусонный часовой минут пять бесцельно вертел его пропуск, подписанный самим генералом Ольбрихтом, и недоверчиво хмыкал. Вызванный им офицер, знакомый Герделера, вначале не узнал доктора и хотел звонить адъютанту Ольбрихта или полковнику Мерцу фон Квиринхейму¹⁰.

– Вы с ума сошли, майор Гронц? – прорычал Герделер. – Может, вы еще станете испрашивать разрешения у самого генерала Фромма? Я – доктор фон Герделер. Мне срочно нужно повидаться с генералом Ольбрихтом.

– Простите, доктор. В таком виде, – искренне извинился майор. – Полковник фон Квиринхейм как раз интересовался вами. Не появлялись ли. Судя по всему, вас ждут.

– «Судя по всему», – раздраженно передразнил его фон Герделер. – Черт знает что у вас здесь происходит.

– Пока ничего особенного, – бесстрашно зевнул майор.

– А пора бы.

Гронц был одним из тех офицеров, кто, благодаря усилиям Квиринхейма, если и не собиравшись непосредственно участвовать в заговоре, то по крайней мере и не собиравшись мешать тем, кто желает видеть своих врагов только на Востоке и ни в коем случае – за Ла-Маншем или на Сене.

В кабинете Ольбрихта – нечто напоминающее военный совет. Генерал-полковник Бек, полковник фон Квиринхейм, генерал Геппнер, командующий округом Берлин – Бранденбург генерал фон Кортифлейшн, еще два-три офицера из штаба армии резерва. Они сидят за столом, и испещренные стрелами карты за их спинами предстают перед Герделером видением мира, замершего в ожидании чего-то необычного.

Увидев Герделера, все молча поворачивают к нему голову. Гонец к фельдмаршалу Клюге обводит их поминальные лица радостным взглядом. Только сейчас он по-настоящему осознал, что сумел сделать для этих людей: он преподнес им командующего группой армий «Центр»! Другое дело – смогут ли оценить его жертвенную услугу сами генералы.

– Это оказалось крайне трудной миссией, господа, – упал он на стул, вежливо подставленный ему зятем Ольбрихта майором Георги¹¹. – В первый день фельдмаршал даже слушать не хотел о сотрудничестве с нами. Я чувствовал себя ужасно. В какие-то минуты мне казалось, что он вот-вот вызовет охрану и передаст меня гестапо.

Герделер оказался в конце стола, напротив генерала Ольбрихта, восседавшего в своем привычном рабочем кресле. Поймав на себе взгляд заместителя командующего, доктор запнулся на полуслове. Странно: взгляд показался ему сочувственным. Не хватало только, чтобы, поморщившись, Ольбрихт великодушно изрек: «Доктор неважно чувствует себя, выведите его, дайте воды и вообще приведите в чувство».

А взгляды других сообщников? Пустые взоры уставших, растерянных людей, которых его рассказ «о русских скитаниях» совершенно не интересует.

– Что произошло? – наконец спрашивает Герделер.

– То есть? – интересуется Ольбрихт.

¹⁰ Полковник Мерц фон Квиринхейм – начальник штаба Общеармейского управления, возглавляемого генералом Ольбрихтом. Один из активных участников заговора против Гитлера. 20 июля, в день покушения на фюрера, расстрелян во дворе штаба армии резерва по приказу генерала Фромма.

¹¹ Перед казнью Фридрих Ольбрихт передал портфель с важными документами майору Георги, которому удалось вырваться из «Бендлерблока». Благодаря этому стали известны многие факты, связанные с подготовкой операции «Валькирия».

– Что случилось? – спрашивает Герделер еще резче, однако терпения выслушать кого-либо из собравшихся у него не хватает. – Вам не интересен мой рассказ?

Штабисты рассеянно переглянулись.

– Ну почему же... – промямлил кто-то из них. Герделер даже не обратил внимания – кто именно.

– Лишь на второй день мне же удалось убедить Клюге. Когда он понял, что все это действительно серьезно. Что за мной стоят такие люди, как генерал Фромм, вы, господин Ольбрихт, фельдмаршал Витцлебен...

– Короче, вы умудрились назвать имена всех, кто рискнул довериться вам, – глухим осевшим голосом констатировал генерал Геппнер. – Дай-то Бог, чтобы фельдмаршалу хватило рыцарского мужества не перечислить наши имена в донесении на имя Гиммлера. А то и самого фюрера.

– О чем вы, генерал?! – изумился Герделер, пораженный его неблагодарностью. Его циничной неблагодарностью.

– Кстати, генерал Фромм к нашему делу имеет пока что весьма косвенное отношение, – заметил фон Кортицфлейшн. – Насколько я понимаю ситуацию. Что тоже весьма прискорбно.

– Мы не о том говорим, господа.

– Клюге должна была интересоваться прежде всего судьба Германии, а не имена людей, решившихся на отчаянный шаг ее спасения, – несколько запоздало замечает Геппнер. Он явно не в духе. Как, впрочем, и все остальные. Ведут себя так, словно только что узнали о полном провале операции.

– Если вас не интересуют подробности, господа, скажу кратко: командующий группой армий «Центр» отныне находится в нашем полном распоряжении.

– Как бы не так, – угрюмо, вполголоса бормочет майор Георги. – «В нашем полном»...

Однако Герделер не обращает внимания на его реплику. Они здесь с ума все посходили от сидения в кабинетах.

– Фельдмаршал дал согласие сотрудничать – чего вам еще?! Он готов выполнить любой приказ, который последует в рамках операции «Валькирия». Правда, при одном обязательном условии. – Герделер вновь обвел взглядом присутствующих и, достав из кармана измятый грязный носовичок, победно, хотя и нутужно, высморкался. Он простыл, чувствовал, что температура. Если бы не важность события, давно нежил бы дома в постели. «Дома в постели...» Мысль о домашнем уюте до сих пор кажется доктору несбыточной мечтой бездомного бродяги. – Да, господа, он требует выполнения условий, при которых чувствовал бы себя освобожденным от присяги, данной, как и каждым из нас...

Ольбрихт демонстративно поморщился. Он понимал, что вся эта витиеватость понадобилась Герделеру только для того, чтобы не упомянуть имя фюрера. Конечно же, речь идет об устранении Гитлера. От власти. А еще лучше – из жизни. Происходит черт знает что: одни требуют поклясться, что в ходе операции «Валькирия» ничего не будет предпринято против личности самого фюрера. Гитлер, мол, должен будет предстать перед фактом и уйти в отставку. Другие, наоборот, с первых слов дают понять, что и пальцем не пошевелинут до тех пор, пока не будут избавлены от клятвенности присяги, данной фюреру. Избавлены, само собой разумеется, известным путем.

– Господин Герделер, – мрачно спросил будущего рейхсканцлера Ольбрихт, – когда вы в последний раз встречались с фельдмаршалом Клюге?

Генерал спросил это тоном следователя гестапо. Герделер ощутил, как по затылку прошел холодок, словно над его головой уже занесли секиру палача.

Когда в последний раз? Герделер не мог вспомнить даты, но прекрасно помнил, что это произошло ровно семь дней назад.

– Поймите, – вдруг начал оправдываться он. – Мне пришлось добираться до Берлина, пересаживаясь с одного товарного поезда на другой. Это был сущий ад.

Потому-то и столько времени прошло. По чести говоря, для подобного задания не обязательно избирать рейхсканцлера. С ним неплохо справился бы кто-либо из высших офицеров штаба армии резерва. Уж ему-то удобнее было бы появиться в штабе группы армий «Центр» хотя бы под предлогом фронтовой командировки. Конечно, понимая ситуацию, я вынужден был предложить свои услуги в столь деликатной миссии...

– Вы смутно представляете себе, доктор, что такое фронтовые командировки, – холодно бросает Геппнер. – Согласен, вы сделали все что могли. Лучше вас с этим поручением не справился бы никто. Но дело в том, что сути дела это не меняет.

– Что вы имеете в виду, генерал?

– Бросив вас на произвол судьбы, заставив добираться товарняками, фельдмаршал в тот же день отправил самолетом сюда, в Берлин, своего адъютанта с приказом встретиться с генерал-полковником Беком, – Ольбрихт взглянул на будущего президента, пытаясь выяснить, не желает ли тот сам сообщить подробности визита к нему на дом адъютанта Ключе.

Но Бек сидел, подперев намертво сплетенными пальцами лоб, и всем своим видом напрочь отсутствовал на этом высоком заговорщицком собрании.

– В тот день, когда в Смоленске вы садились на товарный поезд, – еще жестче и беспощаднее продолжал Ольбрихт, – адъютант Ключе передал господину генерал-полковнику письмо, в котором фельдмаршал резко отказался от участия в нашей операции и потребовал впредь не пытаться вовлекать его в подобные авантюры. Представляю себе, каково было господину Беку читать это послание. Ключе решительно потребовал даже не пытаться впредь убеждать его в необходимости участвовать в подобных авантюрах – вот и все, чего мы с вами, доктор Герделер, добились в результате вашего викингского налета на штаб фельдмаршала. Так что примите наши сочувствия, высказав такие же сочувствия и нам.

Почти с минуту Герделер сидел с остекленевшим взглядом и полураскрытым от ужаса ртом. Его заросшее, грязное, пропитанное потом и угольной пылью лицо было похоже на посмертную маску предводителя лесных разбойников. Тем более что он предстал перед сообщниками без очков, которые умудрился разбить, еще сидя в товарном вагоне.

– Неужели все, что вы говорите?..

– Можете не сомневаться.

– Господи, такова твоя воля, – только и смог пробормотать Герделер, едва сдерживая себя, чтобы не расплакаться.

19

Ливень разразился внезапно. Молния вырывалась из разлома горы и пронизывала хвойные склоны ее таким мощным огненным шквалом, что, казалось, после него не должно было оставаться ничего живого. И когда она угасала, становилось странным слышать шумящие кроны сосен и видеть покачивающееся на ветру зеленое марево предгорий.

– Вы должны будете понять меня, князь, – пододвинулся Иволгин поближе к сидящему у самой двери избушки Курбатову.

– Понять? – вырвался из собственных раздумий подполковник. – О чем вы?

Он мысленно представил себе бредущего по склону горы в своей разбухшей от дождя милицейской форме Волка (ливень начался минут через пятнадцать после того, как Курбатов отправил его из домика восвояси), подтопляемые потоками воды тела убитых милиционеров, которых забросали камнями где-то в расщелине, метрах в ста отсюда...

В последнее время Курбатову нередко чудились тела убитых им людей. Странно, что при этом он почти никогда не вспоминал их живыми, ни их ран, ни выражений лиц за мгновение до смерти, которые, конечно же, должны были бы запомниться, – только тела: скрюченные, безжизненные, брошенные на съедение волкам. Это настораживало подполковника. Он всегда с презрением относился к людям со слабыми нервами, с хоть немного нарушенной психикой, с комплексами...

– Соглашаясь войти в вашу группу, я преследовал свою собственную цель.

– Это хорошо, – с безразличием невменяемого подбодрил его князь.

– О которой с Родзаевским говорить не стоило.

– Существует немало тем, о которых с полковником Родзаевским лучше не говорить. О чем не могли говорить с ним лично вы, штабс-капитан?

Высветившийся в небе растерзанный сноп молнии осветил загорелое худощавое лицо Иволгина. Лицо основательно уставшего от жизни, но все еще довольно решительного, волевого человека. Ходили слухи, что атаман Анненков однажды приговорил его к расстрелу. Но потом, в последний момент, помиловал – что случилось у него крайне редко – и отправил в рейд по тылам красных, будучи совершенно уверенным, что в стан его поручик Иволгин уже не вернется. Но он вернулся. Через месяц. С одним-единственным раненым бойцом. И с пятью сабельными ранами на собственном теле.

– Я хочу уйти из группы. Совсем уйти. – Он говорил отрывисто, резко, надолго умолкая после каждой фразы. – Только не сейчас.

– Когда же? – невозмутимо поинтересовался Курбатов. Вместо того чтобы спросить о причине ухода.

– За Уралом. Еще точнее – на Волге. Как-никак я волжанин.

– Но туда еще нужно дойти.

– Нужно, естественно.

Иволгин ждал совершенно иной реакции подполковника. Сама мысль бойца уйти из группы должна была вызвать у Курбатова негодование. Но князь засмотрелся на очередную вспышку молнии и затем еще долго прислушивался к шуму горного ливня.

– Вы, очевидно, неверно поняли меня, – сдали нервы у Иволгина. – Речь идет вовсе не о том, чтобы остаться в родных краях, отсидеться. Или еще, чего доброго, пойти с повинной в НКВД.

– Мысли такой не допускал. Если это важно для вас, можете вообще не называть причину.

– Нет уж, извините, обязан. Потому и затеял этот разговор.

– А если обязаны, так не тяните волка за хвост, не испытывайте терпение, – резко изменил тон Курбатов. – Только не надо исповедей относительно усталости; о том, что не в состоянии проливать русскую кровь, а сама гражданская война – братоубийственна...

– Мне отлично известно, что это за война. У меня свои взгляды на нее. И на то, как повести ее дальше, чтобы поднять на борьбу вначале Нижнее и Среднее Поволжье, угро-тюркские народцы, а затем уж и всю Россию.

– Свои взгляды? – наигранно удивился князь.

Порыв ветра внезапно ударил волной дождя в лицо, но Курбатов не отодвинулся от двери и даже не утерся рукой. Он понял, что совершенно не знает человека, с которым сидит сейчас рядом.

Дверь, ведущая в соседнюю комнату, открылась, и на пороге появился кто-то из отдыхавших там диверсантов. Он несколько секунд постоял и вновь закрыл дверь, оставшись по ту ее сторону. Курбатов так и не понял, кто это был.

«Впрочем, кто бы это ни был, – сказал он себе, – все равно окажется, что и его как человека я тоже не знаю. Здесь каждый живет своей жизнью. Каждый идет по России со своей, только ему известной и понятной, надеждой. Единственное, что нас роднит, это то, что мы диверсанты...»

Однако, немного поразмыслив, Курбатов все же не согласился с этим выводом. Вряд ли принадлежность к гильдии диверсантов – именно то, что по-настоящему их роднит. Да и поход их вовсе не объединяет. Что же тогда? Жертвенная любовь к России? Ах, как это сказано: «Жертвенная любовь...» Только не верится что-то.

Так и не найдя для себя сколько-нибудь приемлемого ответа, князь окончательно отступился от мысли отыскать его.

– Вы что-то там говорили о своих, особых, взглядах на то, как начать новое восстание на Поволжье, штабс-капитан. Особые взгляды, ваши – это что, какая-то особая тактика ведения войны? Тактика подполья? Махно, например, разработал своеобразную тактику ведения боя на тачанках: наступательного, оборонительного, засады... Соединив при этом весь известный ему опыт подобного ведения войны, со времен египетских колесниц.

– Весьма сомневаюсь, что этому ничтожному училищнику, или кем он там являлся, была известна тактика боя на египетских колесницах, – скептически хмыкал Иволгин.

– Недооцениваете. Ну да оставим батьку в покое. Если ваши взгляды – секрет, можете не раскрывать его. Со временем познакомлюсь с военными хитростями командира Иволгина по учебникам военной академии.

– Издеваетесь, – проговорил Иволгин. Однако сказано это было без обиды, скорее с иронией. – Не обижайтесь, мне трудно пересказать все то, что удалось осмыслить за годы великого сидения на берегах Сунгари. Единственное, что могу сказать, – что все мысли мои нацелены были на то, как вернуться в Россию и начать все заново. Вы правы: я всего лишь штабс-капитан.

Курбатов хотел возразить, что не говорил о том, что Иволгин «всего лишь штабс-капитан», однако вовремя сообразил, что это замечание его не касается, Иволгин ведет диалог с самим собой.

– Но согласитесь: даже у маленького человечка может полыхать в душе великая идея. Вспомните: атаман Семенов начинал с никому не известного есаула, которого никто не хотел принимать в расчет даже тогда, когда он открыто и откровенно заявил о своих намерениях.

– И даже когда сформировал забайкальскую дивизию, силами которой намеревался спасти Питер от большевиков, – согласился Курбатов, стремясь поддержать в нем азарт человека, зараженного манией величия.

– Вы абсолютно правы. Жаль, что не поделился с вами этими мыслями еще там, в Маньчжурии.

– Побаивались, что после вашей исповеди не решусь включить в группу.

– Побаивался, – вздохнул Иволгин. – Вообще откровенничать по этому поводу боялся. Чем величественнее мечта, тем более хрупкой и не защищенной от превратностей судьбы она кажется. Лелея ее, постепенно становишься суеверным: как бы не вспугнуть рок, не осквернить идеал. Не замечали?

– Возможно, потому и не замечал, что мечты, подобно вашей, взлелеять не удосужился. О чем сейчас искренне сожалею.

– Значит, вы не будете против того, чтобы я оставил группу.

– Вы ведь сделаете это, даже если я стану возражать самым решительным образом.

– Мне не хотелось бы выглядеть дезертиром. Маршальский жезл в своем солдатском ранце я нес честно. Если позволите, я сам определю день своего ухода. Вы ведь все равно собираетесь идти в Германию без группы. Так что в Маньчжурию нам предстоит возвращаться в одиночку.

– Остановимся на том, что вы сами решите, когда лучше основать собственную группу и собственную армию.

– С вашего позволения.

– И собственную армию, – повторил Курбатов. – Не страшно?

– Единственное, что меня смущает, князь, – мой слишком мизерный чин. В армии это всегда важно. Тем более что уже в первые же дни формирования отряда в нем: могут оказаться бывшие офицеры чином повыше меня.

– До капитана я смогу повысить вас собственной волей. Имею на то полномочия генерала Семенова.

– Буду весьма признателен.

– А дальше будете поступать, как принято в любой предоставленной самой себе армии. Создадите военный совет, который вправе определять воинские звания всех, в том числе и командующего. В Добрармии Деникина в генералы, как известно, производили не по соизволению царя.

При очередной вспышке молнии Курбатов видел, как Иволгин привалился спиной к стене хижины и лицо его озарилось багровой улыбкой.

«А ведь лицо этого человека действительно озарено багровой улыбкой... Бонапарта», – поймал себя на этой мысли Курбатов.

Как только ливень прекратился, подполковник поднял группу и увел ее в горы. Слишком долгое отсутствие милиционеров, отправившихся на задержание вооруженного бандита, не могло не вызвать опасения, что с ними что-то приключилось.

Лишь в последний раз, уже с вершины перевала, взглянув на лесную хижину, Курбатов вдруг нашел определение того, что же всех их, диверсантов группы «Маньчжурские легионеры», на самом деле роднит. Решение оказалось до банальности простым – гибель! Неминуемая гибель – вот что у них осталось общего!

20

– На сегодня, пожалуй, все, господин генерал-полковник, – завершил свой доклад Ольбрихт и, затолкав бумаги в кожаную папку, поднялся.

Командующий армией резерва сухопутных войск еще с минуту просматривал оставленные ему Ольбрихтом бумаги и лишь затем, все еще не отрывая взгляда, жестко проговорил:

– Вы становитесь стратегом, Ольбрихт.

– Разве? – удивился тот, растерянно заглядывая через стол на бумагу, с которой только что знакомился Фромм. Он не понял, что именно из того, что в ней написано, могло привести командующего к столь саркастическому выводу. – До сих пор это никак не проявлялось.

– Ну, все до поры.

– Простите, вы с чем-то не согласны? – кивнул Ольбрихт на бумаги. – Всякие условности и недомолвки здесь неуместны.

Он знал, что Фромм терпеть не мог бумаг. Вообще каких-либо. Появление на своем столе любого донесения, кроме разве что телетайпограммы из рейхсканцелярии или «Волчьего логова», он воспринимал, как фельдфебель – гору мусора на смотровом плацу. Ольбрихту это всегда облегчало жизнь, поскольку докладывать он научился коротко и по существу. В то время как на бумаге получалось длинно и коряво. Будь у командующего армией резерва иные привычки, Ольбрихту пришлось бы туго. Ведь что ни говори, а штаб армии резерва, в котором сейчас почти не осталось фронтовиков, всю жизнь сражался исключительно на бумажных фронтах.

– Имеете в виду эти донесения? Вы бы уже могли знать, что бумаги меня не интересуют, – тон генерал-полковника, как всегда, был резким и заносчиво грубым. Впрочем, Ольбрихт давно привык к нему. И смирился. Поневоле смиришься, зная, что ни в каком ином тоне твой шеф изъясняться с тобой не способен. – Но если дело не движется, я отлично вижу это без ваших докладов и бумаг. И даже вопреки им – да, нет?

Каждого, кто был мало знаком с Фроммом, прежде всего сбивали с толку заостренно хищный, враждебный взгляд этого гиганта, а потом уж это его беспечно-балагурское «да, нет?». И горе тому, кто в беседе с командующим вдруг решит, что тот в самом деле по любому пустяку требует от него уточнения: «да» или «нет».

Ольбрихт щелкнул каблуками, отвесил легкий поклон и направился к двери.

– И все же вы бы взяли да поделились своими стратегическими воззрениями на тактику завершения войны и на устройство послевоенной Германии, генерал Ольбрихт, да, нет? – остановил его злой бас уже в конце длинного стола, за которым Фромм обычно проводил заседание командного состава армии резерва. – А то ведь приходится слышать лишь отголоски. А меня это интересует не в меньшей степени, чем, допустим, генерала Бека.

Упоминание о бывшем начальнике штаба вермахта заставило Ольбрихта внутренне напрячься. «Отголоски», на которые намекал Фромм, должно быть, оказались довольно сильными, если они сумели достичь этого кабинета. Хотя вот уже несколько месяцев Ольбрихт оттягивал разговор с командующим, делая все возможное, чтобы слухи о готовящемся перевороте, вообще никакая информация, позволяющая догадаться о заговоре, в эти стены не проникала.

– Ситуация на фронтах, особенно на Восточном, действительно заставляет меня и других генералов задумываться над судьбой Германии, судьбой всей Западной Европы. Разве это не естественно? А генерал-полковник Бек – старый опытный штабист.

Фромм медленно поднимается из-за стола. В самом движении этого двухметрового гиганта, в том, как его громадная, грубо сработанная фигура постепенно заполняет значительную часть такого же огромного, задуманного под некое гороподобное существо, кабинета, Оль-

брихту видится что-то угрожающее. Худощавая фигура Ольбрихта при этом инстинктивно сутулится. Небольшой, основательно облысевший череп, на котором остатки светло-седых волос кажутся неудачно подобранным париком, и круглые очки в выцветшей, некогда золотистой оправе делают его похожим на загнанного в военную форму пастора.

Ни в голове, ни в фигуре, ни в выправке, ни в самой манере поведения этого штабиста не просматривалось решительно ничего такого, что предрасполагало бы его к военной карьере. Тем не менее, на зависть многим, генерал-лейтенант Ольбрихт эту карьеру все-таки сделал.

– В последнее время я все чаще вижу здесь генерала Бека, – постукивает длинным карандашом о кончик стола Фромм. – Его вдруг заинтересовали дела штаба резерва сухопутных сил. Будучи начальником штаба вермахта, он интересовался ими куда меньше – да, нет?

– Сейчас он интересуется ими еще меньше.

Ольбрихту было понятно беспокойство Фромма. Равный ему по званию, известный в армейских кругах, популярный среди фронтовых командующих, генерал Бек в любой день мог заменить его на посту командующего. А то, что в свое время Гитлер отстранил Бека от должности начальника штаба вермахта, – так мало ли что. Ситуация меняется.

В феврале 1938 года Эвальд фон Клейст¹² тоже был отправлен в отставку. Вместе с другими генералами. Но через год уже командовал танковым корпусом, идущим на Варшаву. «Танковая группа генерала фон Клейста», завершившая разгром англичан под Дюнкерком, для военных историков сейчас то же самое, что пирамида Хеопса – для гражданских.

К тому же в окружении фюрера немало друзей Бека.

– Если позволите, мы зайдем к вам вместе с генерал-полковником. В три генеральские головы стратегия выхода из войны всегда видится отчетливее.

– Завтра к одиннадцати – да, нет?

– Так точно.

Ольбрихт вздохнул с облегчением. Командующий сам подсказал ход, который приводил к сближению с ним, и даже назначил время встречи. Следовательно, поднимать шум по поводу стратегических рассуждений опального генерала Бека и его соратника Ольбрихта не намерен. Что очень важно.

Только вчера они провели тайное совещание, на котором присутствовали генералы Бек и Геппнер, полицей-президент Берлина граф фон Гельдорф, доктор фон Герделер и несколько полковников. На нем и было принято окончательное решение о том, что штаб и командный пункт их группы должны находиться в здании штаба армии резерва сухопутных сил. Но тогда сразу же встал вопрос: как быть с командующим? Конечно, до определенного времени основные приготовления можно проводить и в тайне от генерала Фромма. Но рано или поздно они все же предстанут перед необходимостью выяснить его отношение к дальнейшей судьбе Германии. И кто знает, как он поведет себя? А когда в действие вступит разрабатываемый ими план «Валькирия», им придется или убрать Фромма, или же заставить его подчиниться воле «группы патриотов Германии».

¹² В феврале 1943 года Эвальду фон Клейсту был присвоен чин генерал-фельдмаршала, а в декабре того же года он предложил Гитлеру сложить с себя полномочия верховного главнокомандующего сухопутными силами, за что был вновь отправлен в отставку. В феврале 1952 года предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР и был осужден на длительный срок тюремного заключения. К этому следует добавить, что чуть раньше, в 1948 году, югославский суд приговорил фон Клейста к 15 годам каторжных работ за преступления против югославского народа.

21

Вернувшись к себе в кабинет, расположенный в другом крыле здания, Ольбрихт сел за стол, нервно закурил и несколько минут сидел, глядя на дверь, словно ждал, что она вот-вот откроется и войдут явившиеся за ним люди из гестапо. Как ни призывал он на помощь всю твердость своего характера, все свое мужество, тем не менее готовился именно к такому исходу: однажды дверь откроется, и на пороге возникнет тройка гестаповцев во главе с каким-нибудь штурмбаннфюрером, который, обведя взглядом его кабинет, спросит: «Так это вы и есть генерал Ольбрихт? У меня приказ обергруппенфюрера Мюллера (или рейхсфюрера Гиммлера) о вашем аресте. Прошу следовать за мной».

Сцену ареста он почему-то всякий раз «разыгрывал» до мельчайших подробностей, до нюансов. Другое дело, что Ольбрихт начал усматривать в своих видениях зловещие отблески прогрессирующей мании преследования. Но в конце концов все же напомнил себе: «Штабист есть штабист. Это у тебя сугубо профессиональное».

Как только сцена ареста в очередной раз была сыграна, Ольбрихт вспомнил разговор у Фромма. Даже если удастся заручиться поддержкой фельдмаршалов Клюге и Роммеля, командующего парижским гарнизоном генерала Штюльпнагеля и других военачальников, имеющих в своем распоряжении значительные воинские силы, все они находятся далеко от Берлина. В то время как судьба переворота будет решаться именно здесь.

А надо смотреть правде в глаза: и Бек, и бывший командующий 4-й танковой группой генерал Геппнер, отстраненный от командования еще зимой 1941 года, когда решился отступить, не имея приказа фюрера и генералы Штифф и Фельгибель, да и сам он, Ольбрихт, – все это командиры без войска. Им нечем командовать, их некому поддержать, их приказам – особенно приказу Бека и Геппнера – генералы-фронтовики не будут подчиняться уже хотя бы из личных амбиций. Вот и получается, что единственным человеком, способным в день икс привести в действие хоть какие-то воинские части и таким образом нейтрализовать батальоны СС, гестапо и службу безопасности, является генерал-полковник Фромм.

Нужно хорошо подготовиться к разговору с ним. Основательно подготовиться...

Ольбрихт утомленно помассажировал виски и взглянул на дверь.

«Так это вы генерал Ольбрихт? У меня приказ рейхсфюрера Гиммлера о вашем аресте. Прошу следовать за мной».

22

За два часа до отъезда Семенова из Тайлари его водитель Фротов был задержан у гаража двумя агентами японской контрразведки в штатском. Еще через несколько минут он оказался в той же комнате, где не далее как вчера главнокомандующий беседовал с полковником Таки. Правда, водителя полковник своим присутствием не удостоил. Вместо него в бамбуковом кресле восседал рослый, широкоплечий, с могучей фигурой борца подполковник Имоти. В глазах его разгоралось что-то по-звериному свирепое, лицо застыло, превратившись в посмертную маску императорского палача, в плотно сжатых мясистых губах созревали ненавистью убийственные слова.

Усадив Фротова в кресло напротив себя, Имоти с минуту молча разрушал его психику сверлящим взглядом белесо-огненных глаз. Казалось, еще мгновение – он прокричит что-то по-японски нечленораздельное, и из-за двери появится человек с ритуальным мечом наемного дворцового убийцы.

Поручик испуганно поежился. Он знал о себе то, о чем пока что не догадывался ни Семенов, ни его благодетель – белогвардейский фюрер Родзаевский. Фротов был отличным разведчиком-аналитиком. Он способен был раскрыть любую интригу врага, выдвинуть десятки гипотез, нутром улавливал коварство. Он даже мог оказаться в первом ряду атакующей кавалерийской лавы. Но, оставшись с опасностью один на один, терял силу воли, лишаясь при этом всякого мужества.

Поручик уже давно не скрывал от себя, что не выдержал бы не то что пыток – даже обычного допроса с легким мордобоем. Доходило до того, что в одиночку он опасался показываться на вечерних улицах Харбина. И самообвинения в трусости, самобичевания уже не помогали.

– Что ж ты, мерзавец, скрывал, что на самом деле являешься не рядовым водителем, а офицером контрразведки? – наконец разродился леденящей лютью подполковник Имоти. – От кого ты, вша мерзопакостная, пытался скрывать это? От контрразведки союзников? На деньги, которых все вы, вша белогвардейская, содержитесь здесь?

«В мире нет существа страшнее, чем помесь русского с японцем, – дрогнул Фротов. – Азиатское коварство японцев, умноженное на матерщинное хамство русских, – кто способен выдержать такое?»

– Вы ошибаетесь, господин подполковник, – прерывающимся голосом заметил Фротов. Возмутиться по поводу столь грубого обращения с ним поручик так и не решился. Он прекрасно знал, к каким изысканным методам пытки прибегают в японской контрразведке.

– В чем? – схватился Имоти за бамбуковые подлокотники, которые, казалось, вот-вот выдернет из кресла. – В чем именно я ошибаюсь?!

– В том, что я контрразведчик.

Имоти мельком взглянул на безучастно сидевшего рядом капитана-переводчика, который ему, в совершенстве владеющему русским «полуяпонцу», был абсолютно не нужен. Фротову не было необходимости ломать голову над тем, что мог означать этот взгляд – взгляд подчиненного, испрашивающего разрешения на более суровые способы допроса.

И хотя переводчик и бровью не повел, разрешение было получено. Имоти прокричал что-то по-японски, и произошло то, чего Фротов так опасался. В комнату заскочили двое дюжих японцев, подхватили его под руки, приподняли с кресла, уже на весу подсекли ноги и грохнули ягодицами об пол.

Фротов ощутил, как все внутренности его вдруг охватило жгучее пламя боли, и понял, что еще два-три таких броска, и он станет если не покойником, то инвалидом.

– Остановите их! Остановите! – заорал он во время третьего «вознесения».

– Зачем так громко? – неодобрительно покачал головой капитан-переводчик, начальственным движением руки отсылая экзекуторов за дверь. – Вам известно, кто я такой? – обратился он к Фротову.

– Так точно, господин генерал, – простонал поручик, с трудом садясь в свое кресло.

– От кого вам стало известно это?

– От вашего водителя. Из его беседы с водителем господина Итаки.

– То есть вы владеете японским?

– Немного понимаю. Но говорю с трудом.

– Однако стремитесь постичь?

– Мудрый язык, почему бы и не постичь.

– В таком случае вам представится возможность изучить язык великих самураев, – пообещал генерал, вежливо улыбаясь. – А пока что у вас мало времени. Вы должны своевременно оказаться за рулем атамана Семенова. Поэтому отвечайте очень кратко, а главное – не раздумывая.

– Будет исполнено, – Фротов с удивлением заметил про себя, что теперь генерал Судзуки говорит почти без акцента. Во всяком случае без того, каким он окаймлял свою речь, выступая в роли переводчика полковника Итаки. Поручику приходилось слышать его, когда полковник встречал генерала Семенова во дворе миссии.

– Отныне вы работаете на нашу контрразведку.

– Да, конечно.

– О нашем разговоре генерал Семенов знать не должен.

– Ни в коем случае.

– Нам известно, что вы имеете определенное влияние на генерала Семенова. По крайней мере значительно большее, чем его адъютант полковник Дратов.

– Не скрою.

– Так употребите все свое влияние для того, чтобы девушка, с которой уже второй день развлекается генерал, так и осталась с ним.

– Од-на-ко...

– Мы приставили ее к генералу не столько для того, чтобы иметь своего осведомителя, сколько для его же личной безопасности.

– Простите, господин генерал? – напряженно сморщил лоб Фротов. – Вы сказали: «для безопасности»?

– Не удивляйтесь, Сото неплохо владеет не только русским языком, но и пистолетом, ножом, не говоря уж о целом наборе ядов. Думаю, генералу Семенову, за которым давно охотится советская контрразведка, это может пригодиться. Множество раз. Согласны, поручик?

– Не скрою.

– Тогда можем считать, что мы договорились обо всем том, о чем следовало договориться во время столь краткого знакомства, – по-сатанински улыбнулся Судзуки. – Дальнейшие инструкции будете получать от подполковника Имоти. Надеюсь, вы не в обиде за то недоразумение, которое только что произошло?

– Набросившиеся на меня парни просто не поняли подполковника, – почти простонал Фротов, испуганно поглядывая на дверь и ощущая боль во всем позвоночнике.

– О да, ясное дело, не поняли, – подтвердил Имоти.

* * *

– Гауптштурмфюрер! Господин гауптштурмфюрер! – Скорцени отвел взгляд от мутного плеса Дуная и, к величайшему удивлению, увидел своего адъютанта Родля. Все еще охваченный размышлениями по поводу прошедшей операции, он совершенно забыл, что сам прика-

зал ему прибыть в Вену. Прибыть именно сегодня. Хотя это было рискованно. Ведь в ставку «Волчье логово» его вместе с Муссолини могли отправить еще вчера. Разве что опять сработал расчет предсказателя. – Мы с бригадефюрером уже около часа разыскиваем вас.

Человек, которого Родль назвал бригадефюрером, был в штатском. Однако никакая штатская одежда не в состоянии была скрыть в его фигуре исконно офицерскую выправку.

Когда бригадефюрер подошел поближе и Скорцени смог разглядеть лицо, он узнал его: личный пилот фюрера. Они знакомились в ставке, когда он, Скорцени, прилетал туда в связи с операцией в Италии.

– Хайль Гитлер, – довольно сдержанно приветствовал его штурмбаннфюрер, приподнимаясь с камня, на котором просидел весь этот час, всматриваясь в воды Дуная. То, что они с Муссолини неожиданно оказались в Австрии, явилось своеобразным подарком. Как-никак Австрия – его родина. – Бригадефюрер Бауэр? Рад видеть.

– Я вас – тем более, Скорцени. – Генерал осмотрелся и, заметив неподалеку в скверике скамеечку, движением руки указал на нее.

Скорцени с сожалением взглянул на «свой» камень. Огромный красноватый валун, непонятно как оказавшийся здесь. Место ему где-нибудь на берегу сурового норвежского фьорда. Как ни странно, Отто уже привык к нему. В самом облике этого камня чудилось что-то таинственно-нордическое. Родль и разыскал его только потому, что по крайней мере двое офицеров из сопровождения первого диверсанта рейха уже знали об укромном уголке, куда Скорцени ежедневно приходил утром и вечером, каждый раз переодеваясь в гражданское.

– Когда вылет? – спросил Скорцени, из вежливости подождя, пока генерал усядется первым.

– Завтра.

– «Волчье логово»?

– Не нравится мне это название, – поморщился Бауэр.

– Значит, в логово.

Чтобы не мешать их разговору, Родль отошел к «камню Скорцени» и присел на него.

– Фюрер приглашает туда многих влиятельных людей рейха. Не исключено, что будут и союзники.

– Очевидно, не только ради того, чтобы дать им возможность встретиться с Муссолини.

– Не думаю, что Муссолини обрадуется слишком многолюдной встрече. На его месте я бы крепко призадумался. Иметь в своем распоряжении такую лейб-гвардию, столько верных нашей идее генералов – и не суметь обезопасить себя от ареста в резиденции короля, в подчинении которого находилось в то время не больше роты личной охраны! Своей погибельной беспечностью создать столько проблем себе и фюреру!.. В Берлине такое трудно понять.

– В Берлине – да. Там вообще с трудом воспринимают все то, что происходит вне границ рейха. А ведь дело-то было в Италии.

– И все же фюрер пригласил в ставку многих влиятельных лиц, – мягко настоял на своем пилот, явно подчеркивая неординарность события, которое ожидает этих людей.

– Почему это вас так поразило, господин бригадефюрер? За этим что-то стоит?

– Думаю, что дело не в Муссолини. Вряд ли фюрер собирается чествовать его. Более неподходящей фигуры для героя нынче не сыскать. Героем будете вы.

– Мне это ни к чему, бригадефюрер. И вряд ли...

– Это нужно Германии, – резко объяснил Бауэр. – Сейчас, может, как никогда раньше, рейху нужен герой. Символ нации. Мир должен знать об успехе операции по освобождению дуче.

Скорцени благоразумно промолчал. Он понимал, что личный пилот фюрера, командир правительственной авиаэскадрильи вряд ли способен обладать большей информацией, чем та,

что получена им вместе с очередным приказом. Тем не менее попытался осторожно прощупать почву:

– Было бы куда интереснее знать, в какую часть света мне суждено направиться после всей этой шумихи с чествованием Муссолини. Вы не астролог, господин бригадефюрер? – То, что генерал был в гражданском, облегчало Скорцени общение с ним. Отсутствовало психологическое давление мундира.

– Мы – солдаты, гауптштурмфюрер. Независимо от чина, – добавил он. Да, независимо от чина. Приказы же, как правило, поступают в последние минуты.

– Глубокомысленное замечание, господин бригадефюрер, – неуклюже попытался Скорцени свести их диалог к шутке. Но если бы он мог позволить себе такое признание, он признался бы генералу, что покорен его умением мужественно подавлять в себе вполне понятное в этой ситуации чувство зависти к успехам нового героя нации.

23

Войдя в номер, отведенный ему в отеле японской военной миссии в Тайлари, генерал Семенов с удивлением обнаружил в нем юную японку, ту же, которая приносила им чай. При появлении генерала японка поднялась с низенькой тахты и ступила ему навстречу. Под прозрачным шелковым халатом угадывалось совершенно голое тело. Теперь оно казалось даже более миниатюрным и изысканным, чем во время первого появления этой гейши.

На столике у тахты стояли уже знакомые Семенову чашечки с саке и тарелочки с бутербродами. Кроме того, источаемый большой пиалой островатый приятный запах свидетельствовал, что ужин их будет состоять из чашечки риса с черт знает какой рыбной приправой. Атаман никогда не был в восторге от японской кухни, но однообразие ее просто-таки поражало. Возможно, потому и поражало, что все разновидности рисовых блюд воспринимались им как одно – «рис с черт знает какой приправой».

Девушка стояла по ту сторону столика. Озаряя комнату полуприкрытой, а потому еще более соблазнительной, наготой, она как бы испытывала генерала на инстинкт: желая знать, на что он набросится раньше – на нее или еду.

Пятидесятилетний атаман понял ее, улыбнулся и, подойдя к тахте, устало опустился на нее. Девушка поднесла ему чашечку саке.

– И-ты осень устал, да? – присела у его ног.

– Чертовски.

– И-целтовски, да? – обнажила два ряда обворожительно белых, ровных, по-детски мелких зубов. Искрящиеся глазки ее напоминали две созревшие сливы, а лукавство, порождавшее улыбку, восходило своими магическими истоками к первородному лукавству Евы.

– Кто тебя прислал сюда? Капитан-переводчик?

– И-нет.

– Исимура?

– И-нет.

– Сама пришла, что ли? – ехидно ухмыльнулся Семенов, отпивая из чашечки униЗИтельно слабую, но божественно священную японскую водку.

– И-нет.

– Паршивка узкоглазая, в соболях-алмазах, – добродушно покачал головой генерал. Ему на минутку почудилось, что это он вернулся к себе домой (Семенов давным-давно жил один) и дома его встречает эта девчушка. Он устало садится на тахту, японка присаживается у его ног и подносит чашечку саке. Что еще нужно от жизни человеку, которому перевалило за пятьдесят? Какие армии, какие войны, какие походы? Все, что мило ему в этом мире, – так это хрупкое, облаченное в полупрозрачный халатик создание с белозубой улыбкой и лукавыми глазенками-сливами.

«Но чтобы получить все это, нужно было сначала стать главнокомандующим вооруженными силами Дальнего Востока, – напомнил себе генерал. Лукавить позволительно гейше, но не тебе. Впрочем, похоже, что в последнее время япошки и на тебя смотрят как на... гейшу», – презрительно прищурился атаман.

– Как зовут, в соболях-алмазах?

– И-нет, соболях-алмазах.

– Зовут как, спрашиваю. Имя, имя, – проговорил он по-японски.

– Сото.

– Сото? Впервые слышу такое имя.

– И-впервые? И-да? – Сото пригубила саке, поставила чашку на столик, поднялась и обхватила руками голову Семенова.

Лицо старого вояки оказалось на уровне ее груди. Он уткнулся в одну из созревших лун, словно ребенок – в грудь матери.

Сото это не смутило. Она положила руку ему на шею, и Семенов ощутил, что девушка настойчиво пригибает ее, в то же время другой рукой приподнимая подол халатика. Опыренный дурманящим запахом французских духов и ангельской плоти, генерал обхватил руками ее округлые бедра и, приближая к себе, почти оторвал Сото от пола. Но именно в минуту плотского экстаза главнокомандующего в дверь негромко постучали.

«Японцы?! Эта сцена подстроена? – насторожился Семенов, отстраняя девушку. – Скомпрометировать – и?.. Застать в номере, поднять шум, скомпрометировать и?.. В соболях-алмазах!»

Открывая дверь, Сото прикрылась ею и осторожно выглянула.

– Прошу прощения, господин командующий, – возник на пороге его водитель Фротов. – Разговор на полсамокрутки.

– Какой еще разговор, в соболях-алмазах?! – набычился Семенов.

Но Фротов уже вошел. Не ожидая разрешения генерала и не обращая внимания на Сото. Приблизившись к столику, взял чашку девушки, осушил ее и, по-гусарски крикнув, принялся за бутерброд.

– Я понимаю, что вам нужно играть роль пролетария-водителя, поручик, – вполголоса возмутился Семенов, провожая взглядом удаляющуюся в соседнюю комнату Сото. – Но вы слишком вошли в роль, в соболях-алмазах.

– Прошу прощения, господин командующий, – крикнул поручик. – Проголодавшись до собачьего воя. А в роль вошел – это точно. Водители-японцы за своего принимают.

– Конкретнее.

Фротов оглянулся на комнатку, в которой скрылась Сото. Оттуда не доносилось ни шороха, ни звука.

– Удалось выяснить, что за фраер этот переводчик.

Фротов взял кувшинчик с sake и вновь наполнил чашечку.

– С вашего позволения, господин командующий.

– Конкретнее, – уже почти прорычал Семенов, сдерживая страстное желание выставить наглеца-поручика за дверь, предварительно разжаловав до рядового.

– Никакой он не капитан и не переводчик, – почти шепотом проговорил Фротов, наклоняясь к атаману.

– Об этом нетрудно было догадаться. Точнее.

– Генерал Судзуки. Пожаловал из Токио. Судя по всему, шеф Исимуры. Его водитель – родом из Сахалина. Я слышал, как шофер Исимуры спрашивал его: «Скоро там твой генерал-земляк отбывает? Дни и ночи приходится дежурить в гараже».

– Значит, генерал тоже из Сахалина? – он поднялся и выпил вместе с поручиком. Стоя. Потом еще по одной.

– И наверняка возглавляет русский отдел контрразведки. Или разведки. Не ясно только, зачем весь этот цирк с перевоплощением в переводчика.

– Это-то как раз очень даже ясно. Вы не подали вида, что понимаете, о чем они беседовали?

– Никак нет.

– Впредь ведите себя так же. Какую польку они на свой граммофон поставят, такую и станцуем, в соболях-алмазах.

– Было бы под что танцевать, – брезгливо сморщился Фротов. Поручик никогда не скрывал, что терпеть не может всего, что связано с азиатами, и только верность атаману, да еще эмигрантская безысходность вынуждали его оставаться в Маньчжурии.

– Под что поставят, – гневно блеснул глазами Семенов. Любое недовольство подчиненных великим прозябанием на сопках Маньчжурии он воспринимал, как упрек в свой адрес, намек на то, что Краснов, Деникин и прочие по крайней мере сумели привести свое воинство в Европу, а он – нет.

Как только Фротов ушел, генерал Семенов сбросил с себя френч и вошел в соседнюю комнату, где его ожидала японка.

– Иди ко мне, кто бы ты ни была и кто бы тебя ни подослал, – хмельно предложил он, садясь на расстеленную посреди комнаты циновку и прислоняясь спиной к кушетке.

Девушка подошла к Семенову и, нежно обхватив руками подбородок, приподняла его.

– И-меня и-никто не подсылал, – негромко, нежно произнесла она. Эти слова ее прозвучали как любовное признание.

– Правду нам еще предстоит узнать. Но японцам остерегаться меня нечего.

– И-вам тоже не стоит опасаться их, генерал.

– Ты-то откуда знаешь? – хмельно икнул Семенов и замер с полуоткрытым ртом. Только сейчас до него дошло, что Сото отлично поняла, о чем он говорил с Фротовым.

– И-вы не должны опасаться меня. – Девушка прислонила его голову к себе, и полы ее халата сами собой распахнулись, оголяя юное, уже знакомо пахнущее духами и первородной чистотой смугловатое тело.

– Тогда зачем тебя подослали ко мне? – попытался сдержаться генерал, понимая, что еще несколько мгновений – и он окажется опутанным сладострастной паутиной изысканных восточных нежностей.

– И-цтобы вы чувствовали себя спокойно.

– Я? – озадаченно спросил Семенов. Генерал отлично помнил: еще несколько минут назад Сото доказывала, что ее никто не подсылал. А теперь вдруг спокойно признала это.

– И-вы.

– А яснее ты можешь, черти б на тебе смолу возили?! Яснее, в соболях-алмазах!

Однако окрик его Сото не смутил. Даже то, что грозный рубака-атаман потянулся к лежащему рядом ремню с кобурой, не заставило ее содрогнуться. На ангельски красивом, богоугодном личике девушки оставалась все та же неописуемо-наивная улыбка.

– И-цтобы я могла подтвердить перед самым и-высоким командованием, и-цто вы оставались преданным японской армии и императору. И-разве это плохо, да?

– Вот оно что?! Ко мне приставили адвоката-соглядатая. Недурственно, – провел ладонями по бедрам девушки генерал. – Недурственно. – Ему хотелось закончить разговор раньше, чем уложит ее рядом с собой, поскольку потом разговор может «не пойти». – Интересно знать, кто это так заинтересован в непорочности моей репутации. Что вы молчите, моя Орхидея?

– Орхидея? И-так и-меня еще никто не называл. И-вы, и-конечно же, имели в виду императрицу Цыси¹³, – насторожилась Сото.

– Ее, в соболях-алмазах... Не думал, что поймешь-догадаешься.

– И-вы и-слишком высокого мнения обо мне, и-господин генерал. Я понимаю: и-вы подозреваете меня не в том, что я подпольная императрица, а в том, что являюсь шпионкой.

– Профессионалкой. Разве нет?

– Нет.

– Опять врешь, в соболях-алмазах, – незло, скорее обиженно констатировал генерал. – Дохлое это дело – врать атаману.

¹³ Цыси – маньчжурская императрица, которую придворные называли между собой Орхидеей. Ее принято считать последней правительницей Китая. Кроме всего прочего, прославилась своей почти идеально налаженной службой дворцового и государственного шпионажа. Правила с 1861 по 1908 год.

– Я всего лишь профессиональная любовница, и-господин генерал, – мило улыбнулась Сото, игриво забросив ножку за спину атамана. Мельком заглянув ему в глаза и не уловив осуждения, обхватила его голову и уселась на грудь.

– Во паршивка! – восхищенно пробормотал Семенов.

– И-вы и-правы, генерал, – вдруг охотно, хотя и запоздало согласилась Сото, томно изгибаясь. – Я действительно Орхидея.

24

«Мы – солдаты, гауптштурмфюрер. Независимо от чина», – сказал ему личный пилот Гитлера бригадефюрер Бауэр, подчеркивая их равенство в служении тому богу, которого обязаны были почитать выше самого Иисуса.

Сообщать генералу о том, что он уже произведен в штурмбаннфюреры, Скорцени считал не тактичным. А философия: «Мы – солдаты фюрера» – лично для него давно исчерпала себя.

Чтобы заполнить паузу, наступившую вслед за тем, как интерес к личному пилоту вождя нации был в значительной степени утерян, первый диверсант рейха попытался вспомнить что-либо известное ему об этом человеке. Но информированность относительно этого человека оказалась убогой. Личный пилот Гитлера принадлежал к тому кругу людей, досье на которых все еще оставались недоступными для него. Да, наверное, и для Шелленберга. Знать о нем «все» могли разве что обергруппенфюрер Кальтенбруннер и шеф гестапо Мюллер. Из всего, что удалось установить по памяти после того, как он узнал, что за Муссолини прибудет личный пилот фюрера, вытекало, что в нацистской партии Бауэр¹⁴ еще с двадцатых годов. И что об абсолютном доверии к нему Гитлера, а также преданности пилота своему фюреру по кабинетам службы безопасности гуляли целые притчи.

Жидковато.

Тем не менее еще вчера, в телефонной беседе, он намекнул Родлю, чтобы тот связался со специалистом по «святым писаниям» Гофманом и выяснил кое-какие подробности об одном желанном госте. Родль должен был понять, что речь идет о сведениях относительно Бауэра.

Адъютант давно знал, что Скорцени всегда интересовали сведения не только на тех людей, с которыми придется работать, но и на тех, которые недоступны для него, но так или иначе выходят на контакт с ним. Стремление знать все обо всех было маниакальной привилегией офицера службы безопасности. «Маниакальная привилегия – термин, подаренный VI управлению Главного управления имперской безопасности самим первым диверсантом.

– Как будут развиваться события в «Волчьем логове» после прибытия туда Муссолини, об этом знает только Бог и фюрер. А точнее, фюрер и Бог. Но, судя по всему, итальянский пасьянс разложен основательно и надолго, – заговорил Бауэр именно тогда, когда Скорцени окончательно разуверился получить от него хоть какую-то начальную информацию. – Это я так, по-солдатски, прикидываю. Исходя из того, что один связной «Хейнкель-111» мне уже пришлось отправить в Италию, чтобы срочно доставить в логово нашего посла в Риме Рудольфа Рана и находящегося сейчас в Северной Италии обергруппенфюрера Карла Вольфа. Так что вам, Скорцени, работа всегда найдется.

– Значит, все еще итальянский пасьянс? – уже как бы про себя переспросил Скорцени.

– Уж не рассчитываете ли вы, что следующим приказом фюрер отправит вас похищать «вождя всех времен и народов»? – иронично улыбнулся генерал. Хотя худошавое, иссушенное ветрами лицо его создано было явно не для улыбок.

– Почему бы и нет, бригадефюрер? Был бы приказ, – жестко отреагировал Скорцени. И в долгом испытывающем взгляде, которым осенил его пилот, в одинаковой мере было отмеряно и недоверия, и уважения.

Но все же Бауэр больше склонялся к мысли, что заявление Скорцени – не бравада. Был бы приказ, и этот «солдат фюрера» действительно решится на то, на что решиться практически

¹⁴ Бригадефюрер Ханс Бауэр. 2 мая 1945 года был пленен советскими солдатами. Оказался одним из тех немногих высокопоставленных нацистов, кто не раскаялся и не признал своей вины. На суде Бауэр заявил: «Книгу «Майн кампф» читал и полностью разделяю изложенные в ней взгляды. Как был убежденным нацистом, так и остаюсь».

невозможно. Похищение Муссолини с вершины Абруццо, которым восхищаются сейчас даже враги рейха, тоже казалось операцией из разряда невероятных.

25

Однако искренняя признательность генералу не помешала Скорцени сразу же по возвращении в отель вызвать к себе в номер Родля. Усевшись в мягкое венское кресло и закрыв глаза, он сказал то, что говорил всегда, желая, чтобы адъютант не спеша, вдумчиво ознакомил его с очередным «святым писанием», то есть досье.

«Только не надо жевать седло, Родль. Житие грешников требует Божественного прощения грехов».

Так, почивая в кресле и закрыв глаза, Скорцени запоминал «на слух» вдвое быстрее и втрое основательнее. Адъютант давно убедился в этом. А потому старался.

– Из того, что может представлять непосредственный интерес... – начал Родль. – В национал-социалистическую рабочую партию вступил в 1926 году. Личным пилотом фюрера назначен в тридцать четвертом, по рекомендации Гиммлера, поддержанной Гессом. Оба познакомились с ним за несколько лет до этого назначения. Спустя два года стал командиром правительственной эскадрильи. Лично управлял самолетом, доставлявшим фюрера на Восточный фронт: в частности, в города Винницу, Николаев, Сталино, Херсон, Запорожье, Смоленск, а также в район озера Ильмень.

– Озера Ильмень? – переспросил Скорцени, нарушив собственное правило: никогда не перебивать Родля до полного ознакомления им со «святым писанием».

– Так точно, штурмбаннфюрер. Озеро Ильмень. В данном случае никакой город не указан. Очевидно, речь идет о полевом армейском аэродроме в районе этого озера.

– Не ерзайте, Родль, – поморщился Скорцени.

«Ильмень, Ильмень...» – он пытался припомнить, попадалось ли такое озеро на его пути, когда в составе дивизии «Рейх» наступал на Москву.

Каждый раз, когда Отто приходилось слышать какое-либо русское наименование, он обязательно стремился вспомнить, не приходилось ли бывать там. Но Ильмень? Нет, очевидно, осталось где-то в стороне. Нужно будет взглянуть на карту. Странно, он почему-то не знал, что фюреру приходилось бывать в районе этого озера. Столько полетов на Восточный фронт! Зачем же фюреру рисковать своей жизнью? Для этого существуют фельдмаршалы, генералы, солдаты...

– Озеро расположено неподалеку от Новгорода, – понял причину его мучений адъютант. – Я уточнял. Ленинградское направление.

«Значит, севернее. Мы-то двигались на Москву. Какое прекрасное это было время – лето 41-го! Лето, в которое мы наступали на Москву. Впрочем, возможно, меня тоже до сих пор не посылали с особым диверсионным заданием в Россию, чтобы не рисковать. Для этого находятся десятки других. Пока что находятся...»

– Золотой значок члена НСДАП фюрер вручал бригадефюреру лично, – очень точно уловил Родль паузу в его размышлениях. – По заданию фюрера Бауэр доставлял в Берлин или в ставку в Восточной Пруссии Антонеску, Хорти, Лаваля, Маннергейма.

– А Муссолини? – вновь не сдержался Скорцени.

– Муссолини – тоже. Дважды.

– Ну это я так, из любопытства, – признался Скорцени.

– И еще одна деталь: в пилотской кабине самолета бригадефюрера всегда находится «Майн кампф». В разговорах и спорах Бауэр часто цитирует фюрера. Цитирует, как отмечается в агентурных донесениях, «безукоризненно точно».

– Вот как? – только теперь открыл глаза Скорцени. – Послушайте, партайгеноссе Родль, вы не могли бы вспомнить: ваш друг Скорцени цитировал когда-нибудь «Майн кампф»? Или одну из речей фюрера? С «безукоризненной точностью»?

– Простите, – растерялся Родль. – Не могу вспомнить.

– Никогда, Родль! По всей вероятности, именно это и записано сейчас в досье на Скорцени, с которым, возможно, в эти же минуты знакомится Гиммлер. Или Борман. Хорошо помня при этом, что рекомендовали-то меня не они, а Кальтенбруннер. Это ж надо: «С безукоризненной точностью»! Вы хорошо помните: именно так и было написано: «цитирует с безукоризненной точностью»?

– Так мне было сообщено. Из того, вторичного, досье, которое...

– Не надо напоминать мне, из каких досье это почерпнуто, – грубо прервал его Скорцени. – Представляю себе, какие сведения о несчастном пилоте имеются в том, первичном, досье. И вот что, Родль: я никогда не цитирую фюрера. Так и подтвердите это, если понадобится.

– Что вы, штурмбаннфюрер!

– Никогда. Даже с укоризненной неточностью. Точно так же, как не терплю идиотизма в агентурной работе. Хотя и считаю, что в агентурных сведениях мелочей не бывает. Мелочей – нет. Но полицейского идиотизма ищеек – сколько угодно. А ведь досье – это как исповедь перед Богом.

– Или во всяком случае перед гестапо.

– Но исповедь.

26

Едва Штубер успел ознакомиться со своим новым кабинетом, расположенным на втором этаже старинного особняка недалеко от центра Подольска, как на столе его ожил телефон. Звонил начальник местного отделения гестапо оберштурмбаннфюрер¹⁵ Роттенберг.

– Господин Штубер? Ходят слухи, что вы со своими людьми наконец оставили в покое стены и башни старой цитадели и прочно обосновались во вполне цивилизованном особнячке.

– Можете считать, что под вашим крылом. Запоздалое признание, господин оберштурмбаннфюрер. Полагаю, что о моем переходе на «зимние квартиры» вам известно с минуты его замысла.

– Ну уж: «с минуты замысла». Служба гестапо всесильна – спора нет. Но не настолько. Не вам ли знать об этом, Штубер? Кстати, о всезнайстве... Фамилия такая, русская, Рашковский, вам известна?

Просто так фамилии не возникают. Из любопытства о них тоже не спрашивают. Но если назвали – уверены, что знакома. Штубер помолчал время, вполне достаточное для того, чтобы память перемолола сотни известных ему фамилий – тайных агентов, полицейев, партизан, подпольщиков, старост.

«Что за идиотская манера: выдавать фамилию, не привязывая ее к обстоятельствам?!»

– Не имею чести, как говаривали в таких случаях русские дворяне. Какой-нибудь несостоявшийся поручик, из бывших белогвардейцев?..

– Напротив, из бывших красных. Только что прибыл к нам из Ровно, из ставки гаулейтера, с отличной рекомендацией, в звании майора вермахта. На должность начальника областного управления полиции. До этого он уже несколько месяцев был начальником районной полиции.

– Начальниками районных полиций теперь становятся русские майоры вермахта? Что-то новое.

– Не сказал бы, – спокойно, с ленцой возразил Роттенберг. – Вся беда ваша в том, что вы никогда не чувствуете недостатка в информированности. А между тем времена меняются. Многие русские давно стали немецкими офицерами, командуя охранными ротами и батальонами, награждены орденами за службу в зондеркомандах, полиции и далее гестапо. Лично я знаю уже троих русских, которым присвоили чины офицеров СС.

– Вот как? Теперь они политруки СС? – злорадно хохотнул Штубер. – Такой информации мне явно не хватало. Однако вернемся к Масловскому, господин оберштурмбаннфюрер, – жестко предложил он, не опасаясь показаться некорректным.

– Рашковскому, – недовольно уточнил гестаповец.

– Я знаю, что уже пятые сутки подряд вы отказываете себе в удовольствии допросить этого самого Беркута. Хотя и требовали никому не отдавать его, никуда не увозить и даже не переводить в гестапо, а главное – не отправлять на виселицу. Попытайтесь хоть как-то объяснить свою привязанность к партизану?

– Все рассчитано. Беркут ждет встречи со мной. Надеется, что в последний момент его старый знакомый Штубер вмешается и спасет. При этом готовится к моим вопросам. Я же, в свою очередь, изматываю Беркута ожиданием и неведением. При этом внимательно слежу за его настроением. Так что пусть ждет моего появления, как второго пришествия Христа.

– Ну да, на харчах рейха, – проворчал Роттенберг. И Штубер не воспринял его слова как шутку. Он знал, что Роттенберг вырос в семье обедневшего многодетного помещика. И «дармоедство» кого бы то ни было воспринимал очень ревностно. Иное дело, что в дармоедстве он склонен был подозревать большую часть мира.

¹⁵ Оберштурмбаннфюрер – подполковник войск СС.

– Ничего, хлеб наш – да окупится, – успокоил его Штубер. – Обработывайте Беркута основательно. Только без уродств. И постоянно держите при себе... Он нам еще понадобится, этот горький плод войны.

– Будем надеяться. Но уже сейчас всплывает интересная деталь. Знакомясь с личным делом майора Рашковского, я, к своему удивлению, обнаружил, что в прошлом он, тогда еще старший лейтенант Красной армии, был командиром роты прикрытия тех самых дотов, в одном из которых держал оборону ваш Беркут, то есть лейтенант Громов.

– Что-что?! Командир роты прикрытия? Простите, господин оберштурмбаннфюрер, но... этого просто не может быть.

Роттенберг терпеливо промолчал, однако по его нервному кряхтению Штубер определил, что оберштурмбаннфюрер еле сдерживается, чтобы не одернуть его.

– Но согласитесь, господин оберштурмбаннфюрер, слишком уж это неожиданно.

– Вам приходилось встречаться с ним?

– Если это тот самый командир роты, который упустил меня при переправе через Днестр. После неудавшейся операции по захвату моста.

– Ну да, я должен помнить все проваленные вами операции начиная с 1939 года!

Теперь уже помолчал Штубер. Оберштурмбаннфюрер своего шанса не упустил.

– Давно он в наших краях, этот Рашковский?

– Прибыл две недели назад. До сих пор им занималось управление полиции. Мне же просто недосуг было полистать его дело. Знаете, биографии «неофитов рейха» на удивление однотипны: сын бывшего помещика, бывший куркуль, неудавшийся вор-рецидивист, бывший заключенный сталинских концлагерей, жертва большевистских партийных чисток. А тут вдруг изюминка. Я, конечно, сразу же вспомнил о вас. Так что цените дружбу, Штубер, цените.

– Как он вообще оказался в вермахте? Кто его вербовал?

– Знаю, что перешел добровольно, уже где-то под Воронежем. Подробности Рашковский изложит вам лично. Судя по документам, испытан в боях. Прошел подготовку в специальном лагере на территории Белоруссии, причем оказался довольно способным курсантом. Рассматривается как возможный резидент немецкой разведки на территории Правобережной Украины. В случае непредвиденных обстоятельств, естественно...

«А ведь под непредвиденными обстоятельствами он подразумевает отступление войск с Украины, что как раз вполне поддается предвидению», – ухмыльнулся Штубер.

– Предлагаете начать вербовку Беркута через бывшего комроты, друга-фронтовика? Сюжет банальный, но, согласен, довольно часто срабатывает. Очевидно, потому, что в нем есть нужная в таком процессе доля сентиментальности. Только сначала я бы хотел встретиться с Рашковским и присмотреться к нему при свете своей настольной лампы.

– Через полчаса будет у вас. Он находится в управлении полиции и ждет звонка из моего учреждения. Где сейчас Стрелок-Инквизитор? Не ожидал, что он столь удачно выйдет на Беркута.

– Сработала его легенда. В конце концов «летчику» подсказали, где ночует партизан. Буду представлять его к награде и к чину унтер-офицера.

– Считаете, что выводить его из игры еще рано? – Анализ обстоятельств, при которых был взят Беркут, свидетельствует, что Стрелок-Инквизитор не раскрыт. Таких агентов следует использовать до последней возможности. Он получил задание с той же легендой проникнуть в десантную группу, которой, по нашим сведениям, командует некий младший лейтенант.

– И через нее – в отряд Иванюка. Это мне известно.

– Стрелка-Инквизитора спасают холодный, твердый расчет и удивительное чутье на опасность. Если он почувствует, что все его козыри вышли, то попытается уйти или покончит с собой. Этот покончит. Но я понял, что у вас появился интерес к нему.

– Хотелось бы еще раз использовать его в лагере для военнопленных. Нет, не в том, где он в свое время был. В другом. Начальник лагеря подозревает, что там создана подпольная группа, имеющая связь с партизанским отрядом. Конечно, можно было бы основательно почистить лагерь, но его «курортники» работают на заводе. Все специально отобраны, имеют определенную квалификацию. Пускать их в расход нужно расчетливо. И только зачинщиков.

– Но все же будет благоразумнее дать Стрелку-Инквизитору еще две недели. Все равно долго в лагере он задержаться не сможет. Партизаны по радиации свяжутся с Москвой, запросят, был ли в одном из недавно сбитых самолетов такой стрелок, и все раскроется. Теперь его задача – установить местонахождение базы, заманить в ловушку или уничтожить командира отряда и радиацию. С условием, что в ходе операции он тайно будет истреблять партизан. Любыми способами. Без этого он не мыслит себе никакого задания.

– Хорошая черта для «Рыцаря Черного леса». – К разговору о лагере военнопленных Роттенберг счел возможным не возвращаться. – У меня на примете есть еще двое русских. Думаю, они удачно пополнят вашу группу.

– Благодарю, господин оберштурмбаннфюрер. Только вчера мне прислали троих людей прямо из Берлина, после подготовки в тренировочном лагере под Штутгартом. С рекомендацией Скорцени: использовать в качестве инструкторов для подготовки диверсантов. Насколько я понял, моя группа рассматривается в Берлине как база для создания здесь, на оккупированной территории, учебного лагеря разведчиков и диверсантов, где бы они могли проходить соответствующую практику.

– Значит, все трое прошли через абвер, – голос Роттенберга сразу же стал язвительно-жестким. – Но господин Ранке не счел нужным сообщить мне об этом.

– Вчера вы были в отъезде. Очевидно, только поэтому, – Штуберу очень не хотелось оказываться сейчас между двух огней. Пусть свои рыцарские турниры местные отделения абвера и гестапо проводят без его участия.

27

Ольбрихт выждал ровно месяц. Через тридцать суток, час в час, он явился в кабинет генерала Фромма и напомнил ему о сроке, который тот определил для основательного разговора с ним и генералом Беком.

– А по какому делу? – как ни в чем не бывало поинтересовался командующий армией резерва, набирая чей-то номер телефона. – Связано со службой – да, нет?

Ольбрихт плотно сжал зубы и внимательно всмотрелся в почти квадратное, загрубелое лицо Фромма. Некрасивое, вечно шелушащееся, с грубыми, незавершенными чертами, оно выдавало в генерале человека, лишенного каких бы то ни было комплексов, не говоря уже о способности к угрызению совести. Армию он обожал только за то, что мог вести себя в ее сферах как индийский слон на лесоповале.

Начальник Общеармейского управления выждал, пока Фромм убедится, что номер, который он набрал, не отвечает.

– Вы сами назначили эту дату. В связи с нашим разговором месячной давности.

– Насколько я помню, никаких обязанностей перед генералом Беком у нас не было. Неоплатных долгов тоже – да, нет?

«Да ведь он провоцирует меня, – мысленно вскипел Ольбрихт. – По-садистски требует, чтобы я сформулировал тему беседы, твердо зная при этом, что не решусь, да не в этом суть, просто физически не смогу сформулировать ее. Не могу же я сказать: «Примите нас по делу о заговоре против фюрера. Если помните, мы давно собирались обсудить, как получше свергнуть Гитлера и захватить власть в Германии»!

И все же Ольбрихту не оставалось ничего иного, как вежливо улыбнуться.

– Ни у вас, ни у вермахта в целом никаких особых обязательств и долгов перед бывшим начальником Генерального штаба нет. С вашего позволения, мы обсудим некоторые аспекты операции «Валькирия».

– Ах, «Валькирия»...

«Слава Богу, что хоть не спросил, что это за операция», – облегченно вздохнул Ольбрихт.

– Считаете, что в этом еще существует какая-то необходимость? – вновь, как ни в чем не бывало, спросил Фромм, оставив наконец, после третьей попытки, в покое телефонный аппарат.

«И хоть бы сыграл при этом удивление. Или попытался «припомнить».

– Существует.

– План при вас?

– Так точно.

– А генерал Бек?

– Ждет в приемной.

– Ну что ж, раз уж пришло время. Сюда его, «валькириста».

От этого фельдфебельского «сюда его» Ольбрихта покорило. Но сейчас ему было не до этикета. Он опасался, как бы Фромм не перенес срок встречи еще на месяц. Хотел бы он знать, зачем ему вообще понадобились эти тридцать суток? Выждать, не начнутся ли аресты «валькиристов»? Сориентироваться в том, кто привержен идеям группы Бека? Элементарно набить себе цену? Ведь Фромм понимал, что без его участия превратить штаб командования армией резерва в штаб армейского бунта невозможно. Как и поднять части армии резерва.

«Интересно, какой пост он потребует за участие в операции? – размышлял Ольбрихт, направляясь к себе. – Каждый раз, когда дело доходит до вербовки очередного генерала, с ужасом думаешь о том, какую цену он запросит. И не окажется ли пост, на который он метит,

занятым. Делаем святое дело, балансируем на грани гибели, как канатоходцы над Ниагарским водопадом, а все равно без дележа портфелей не обходится. Уже сейчас. Что будет потом?!»

Бека командующий принял вежливо. Даже отдал ему честь, вытянувшись по стойке «смирно». В прошлый раз будущий президент явился к Ольбрихту в гражданском, и сразу стало ясно, что вид у него не президентский. Не говоря уже о генеральском. Худощавое, с запавшими щеками лицо, темно-коричневые «почечные» круги под глазами, высокая сутулящаяся фигура...

Разговаривая с ним вчера по телефону, Ольбрихт попросил, нет, потребовал, чтобы сегодня он явился в мундире генерал-полковника. Иначе его здесь не станут воспринимать всерьез даже обер-лейтенанты. И Бек подчинился. Теперь Фромм видел перед собой бывшего начальника штаба вермахта. В недалеком прошлом – своего непосредственного начальника. Это срабатывало. Правда, о том, что Беку предначертана роль президента новой Германии, Фромму еще не было известно. И, возможно, это к лучшему. Еще не ясно, как он отнесется к такому назначению.

Ольбрихт сразу же дал понять, что беседу поведет генерал-полковник Бек. Он всего лишь присутствует.

– Я рад, что вы с пониманием отнеслись к тем патриотическим порывам, которые собирают нас вокруг идеи спасения Германии, – пожал руку Фромма будущий президент. – Уже ни у кого из мыслящих генералов не осталось сомнения, что рейх находится на той крайней черте, за которой наступает крах.

Садясь без разрешения хозяина кабинета, Бек вежливым жестом указал Фромму на его кресло. Но у командующего хватило такта выйти из-за своего рабочего стола и сесть в кресло напротив Бека.

– Господин командующий еще не посвящен в детали операции «Валькирия», – напомнил «президенту» Ольбрихт, устраиваясь чуть поодаль, за столом для совещаний.

Бек сделал удивленное лицо.

– Но почему?! Впрочем, исправить это несложно. Главное – не план операции. Мы-то с вами, генерал, штабисты, отлично знаем, как быстро могут меняться самые надежно отработанные планы. Главное – чувство ответственности перед Германией.

В приемной зазвонил телефон. Еще через минуту в двери появился адъютант Фромма, но командующий приказал в течение полчаса никого не пропускать к нему. Адъютант исчез так же молча, как и появился.

Фромм выжидающе перевел взгляд на Ольбрихта – тяжелый взгляд человека, у которого нет решительно никакого желания выслушивать назидательные речи. Единственное, что он приемлет, – абсолютная ясность в том, к чему его пытаются склонить.

– Ситуация на фронтах и в самой Германии такова, – продолжил Бек, – что необходимы самые решительные меры, чтобы изменить ход событий. Мы восстановили против себя всю Европу, весь Запад.

– И каким же образом вы намерены изменить ход событий? – бесцеремонно прервал его Фромм. – Потребовать от фюрера изменить свои взгляды на политику в отношении Англии – да, нет?

– Изменить взгляды – этого уже мало. К тому же не ясно еще, согласится ли изменить их сама Англия. В общих чертах план возрождения Германии выглядит так. Мы меняем руководство...

– Но каким образом? – упорствовал Фромм.

– Позвольте об этом чуть позже. Когда речь пойдет об операции «Валькирия». Так вот, сменив руководство, мы заключаем перемирие с Америкой и Англией. Решаем проблему Франции, причем таким образом, чтобы, учитывая интересы французов, не ущемлять интересы Германии.

Фромм по-лошадиному мотнул головой в знак согласия. С Францией у него была полная ясность.

– Мы заявим англо-американцам, что готовы полностью отвести свои войска к западным границам рейха, при их обязательстве прекратить авианалеты на германские города и вообще прекратить какие-либо враждебные действия. После чего можно будет вести переговоры о конструктивном мире в рамках Соединенных Штатов Европы.

– Американцам такое определение – Соединенные Штаты Европы – может, и понравится. Но только не англичанам, а тем более – не французам.

– Но это довольно далекая перспектива, генерал, – с укоризной объяснил командующему Бек. – Вопрос не одного года. Пока же речь пойдет о мире на Западе, который бы позволил сосредоточить силы германских войск против главного и общего врага – российских коммунистов-азиатов и жидо-большевиков. Но и здесь, на Востоке, нам уже не следовало бы продолжать активные наступательные операции, а определиться с границами интересов рейха.

– В этом есть смысл, – согласился Фромм.

Бек поднялся, подошел к висевшей на стене огромной карте и, одернув френч, уверенно прошелся по ней дрожащим указательным пальцем.

– Все еще удерживая существующие ныне позиции, мы, силами резервных частей, пленных и трудовых батальонов из местного населения, могли бы подготовить укрепленную линию, пролегающую от Мемеля на севере, по реке Висле через Карпаты и вплоть до устья Дуная. Таким образом подготовили бы запасной рубеж, на котором окончательно смогли бы удерживать линию фронта. Режимы, пришедшие к власти в возрожденных Франции, Дании, Бельгии и Голландии, не говоря уже о наших восточных союзниках, вынуждены будут – при хотя бы моральной поддержке американцев и англичан – подтянуть свои войсковые соединения к этому славянскому валу.

– Из-за которого, приведя в надлежащий порядок тылы и резервы, перегруппировав войска, уже к лету следующего года могли бы начать новое решительное наступление по всей линии фронта, – неожиданно завершил его прожект генерал Фромм.

– Если позволит ситуация, – дипломатично согласился Бек.

Он говорил недолго, но достаточно вдохновенно. Чувствовалось, что не военно-политическое обоснование к плану «Валькирия» он цитирует, а выговаривает то, что давно тревожит душу.

– Так вы хотите предложить этот план фюреру – да, нет? – чары, основательно подействовавшие на Ольбрихта, генерала Фромма совершенно не коснулись. Он нависал над столом, оставаясь невозмутимым, как заледенелая скала над фьордом.

– Нет. Уже хотя бы потому, что это бессмысленно, – парировал Бек. – Мне хорошо известно, что нечто подобное ему уже не раз предлагали другие высшие чины рейха.

– Он и сам мог бы додуматься до такого решения, будь у него голова на плечах, – добавил Ольбрихт, чувствуя своим долгом прийти на помощь соратнику.

– Не вы первые вынашиваете подобные идеи, – мрачно заметил Фромм, словно не слышал, что именно в этом Бек ему только что сознался. – Прекратить войну на западе, перебросив войска на восток. Избавиться от нескольких врагов, чтобы достойно выступить против того, кто действительно является врагом. И не только рейха. Это же так просто.

– Настолько просто, – подхватил Бек, – что потомки нам не простят, если не вмешаемся в ход событий и не спасем Германию от краха.

– Мне наплевать на то, что скажут потомки, – как бы про себя проворчал Фромм. – Для меня куда важнее, что думаю по этому поводу я сам – да, нет? Возможно, ваш план и ваша операция «Валькирия» чего-то и будут стоить. Но лишь после того, как будет выполнено одно предварительное условие.

Командующий в упор посмотрел на своего заместителя и на генерала Бека.

Оба молча ожидали, что он скажет.

– Я что, должен назвать вам это «предварительное условие»? – повысил голос Фромм. Хотя в этом не было никакой необходимости. Он и так звучал до вульгарного требовательно и даже грубо.

Бек и Ольбрихт переглянулись.

– Считаю, что было бы справедливо, если бы вы все же назвали его, – молвил Бек.

Глаза Фромма наливаются кровью. Он почти уверен, что Бек отлично понимает, какое именно условие имеется в виду. Но при этом умышленно провоцирует его, заставляет произнести вслух то, что произносить никак не хотелось бы. Тем более что и так все ясно.

– Что вам непонятно из сказанного мною? – почти рычит Фромм. И его громадная фигура, приподнимаясь, висит уже не только над столом, но, кажется, над всем кабинетом. – По-моему, я очень четко выразился, что ваш план мог бы быть – подчеркиваю: мог бы быть – вполне приемлемым, но лишь при одном известном вам условии. Благодаря которому мы должны стать свободными в своих действиях.

Ольбрихту вдруг показалось, что Фромм вот-вот поднимется и выйдет из кабинета. Или же выставит их, поскольку хозяин все же он. В любом случае переговоры, которых Ольбрихт столько ждал и на которые они с Бексом так рассчитывали, сейчас, буквально через минуту, будут сорваны.

– Генерал-полковник Фромм имеет в виду, – как можно спокойнее, почти беззаботно, объясняет Ольбрихт будущему президенту Германии, – что план «Валькирия» осуществим лишь в том случае, когда будет устранен фюрер. – Он взглянул на все еще багровое лицо Фромма и машинально уточнил. – То есть устранен от власти.

При этом Ольбрихт даже не заметил, что слово «устранен» не совсем увязывается со смыслом фразы. Это не одно и то же, что «отстранен».

– Теперь ясно, – иронично признает Бек.

– Я верно определил ваше условие, господин Фромм? – поинтересовался Ольбрихт, сохраняя вполне дипломатичную мину.

– Я всего лишь имел в виду предварительное условие, – уточнил Фромм, окончательно поставив в тупик обоих генералов. – Которое непременно должно быть выполнено. А уж вы сами подумайте, каким образом оно может быть выполнено – да, нет?

«Если бы Фромм знал, что мы так до сих пор ни разу и не заговорили о физическом устранении фюрера, – прощающе подумал Ольбрихт, – что между нами еще ни слова не произнесено о покушении на того, кто привел страну к катастрофе, сведя на нет усилия миллионов немцев по возрождению Германии из пепла Первой мировой, он бы, конечно, простил нас».

– Само собой разумеется, – поддержал он Фромма, спасая ситуацию. – Высказанное вами условие, господин командующий, является неопровержимым основанием для начала операции «Валькирия». О наших возможных действиях мы немедленно проинформируем вас.

28

На небольшой станции неподалеку от Читы Курбатов остановил неуклюжего, истощенного с виду солдата, спешившего с двумя котелками кипятка к воинскому эшелону. Паровоз уже стоял под парами, и солдату, очевидно, боясь опоздать, тем не менее застигнутый врасплох окриком капитана, остановился и, сжавшись от страха, замер прямо посреди колеи, словно пойманный дезертир.

– Вы из этого эшелона?

– Так точно, – едва слышно пролепетал он побледневшими губами. Перед ним стояли два офицера и несколько рослых крепких солдат. Холеные и суровые, они, возможно, показались рядовому особистами или смершевцами.

– Почему не представились?

– Красноармеец Кичин.

Курбатов прошелся взглядом по обвисшей форме солдата с полупротертыми локтями и коленками, запыленным, давно не знавшим крема, сапогам. Отчего Кичин окончательно сник и словно бы врос в землю вместе со шпалой, на которой стоял.

– Охраной командует лейтенант Слоенков? – назвал Курбатов первую пришедшую на ум фамилию.

– Никак нет, младший лейтенант Цуганов.

– А, ну да, правильно: Слоенков – это ведь помощник военного коменданта станции, – спокойно продолжал провоцировать его Курбатов. – Вас там семнадцать человек?

– Двадцать два.

– Целый взвод? Теперь станет еще больше. Посланы на подкрепление. К фронту будем двигаться вместе.

– Так я пойду предупрежу младшего лейтенанта, – обрадовался Кичин возможности поскорее ускользнуть – страх перед офицерами у него уступал разве что страху перед смертью.

– Предупредите. Мы же подождем своего бойца.

Кичин поднырнул под один из трех стоящих на запасном пути вагонов и исчез.

– Думаете, он ничего не заподозрил? – осторожно поинтересовался Тирбах, присел и еще какое-то время пытался проследить путь красноармейца.

– Когда операцию приходится разрабатывать на ходу, экспромтом, случается всякое. Главное, не дать младшему лейтенанту времени на размышления.

– Их втрое больше, – заметил Реутов. – Тем почетнее будет победа – это ясно. И все же...

Они обошли пустые вагоны и увидели, что под свист паровозного гудка эшелон отходит. Мигом окинув взглядом платформы с техникой и теплушки, Курбатов определил, что состав действительно важный и отправляется, конечно же, на фронт. Убедившись, что японцы нападать не собираются, красные решили перебросить бездействующую технику поближе к Волге. Резонно. Генерал Семенов прав: отказавшись от активных действий, японцы по существу стали союзниками большевиков.

А еще Курбатов успел заметить, что охрана рассредоточена по трем теплушкам, расположенным в голове, хвосте и посередине эшелона.

– В последний садитесь, товарищ капитан, – выручил их выглянувший из среднего вагона Кичин. – В последний, а то отстанете! Я доложил!

«Сам Бог тебя послал, солдатик», – мысленно поблагодарил рядового Курбатов.

Именно его крик привел в замешательство вскочивших на ступеньку последними часового и старшего этой теплушки, младшего сержанта. Появление группы капитана Курбатова – по документам все они оставались под своими фамилиями – эти двое восприняли как должное, решив, что все делается с позволения командира взвода.

В вагоне оказалось шестеро солдат, которые, как только эшелон тронулся, улеглись: кто на нары, кто на тюки с солдатскими одеялами и обмундированием. Еще один красноармеец стоял на посту в заднем тамбуре. Командир этого отделения младший сержант Тамтосов – худощавый широкоскулый якут – встретил появление капитана и его группы с полнейшим безразличием. Офицерские знаки различия абсолютно никакого впечатления на него не производили, а чувство предосторожности, похоже, напрочь отсутствовало.

– Старшим охраны эшелона назначен я, капитан Курбатов, – сразу же уведомил его князь, дабы упредить любые недоразумения. – Младший лейтенант Цуганов поступает в мое распоряжение.

– Плохо будет младшему, – покачал головой якут. – Очень любит быть командира, да...

– Думаете, станет возражать?

– От Хабаровска идем. Хозяин эшелона – как хозяин тайги.

Усевшись напротив двери, где побольше света, он аккуратно расстелил возле себя какую-то промасленную тряпицу и начал не спеша разбирать и смазывать станковый пулемет.

– Третий раз по винтику разбираем, сержант, – напомнил ему парень, из-под расстегнутой гимнастерки которого выглядывал застиранный выцветший тельник. – На износ работаем. Сочтут за диверсию.

– Ружия, – поучительно объяснил Тамтосов, поднимая вверх искореженный указательный палец. – Шибкое ружия, да...

– С пулеметом пока отставить, товарищ младший сержант, – властно распорядился Курбатов. – Сначала разберемся с постами.

– С постами у нас шибко хорошо. Сам младший лейтенант разбирался, да... – продолжал возиться с пулеметом якут. И это его дикарское непослушание вызвало у Курбатова не раздражение, а презрительную улыбку. Кому могло прийти в голову давать этому аборигену звание младшего сержанта? Назначать командиром отделения?

Цуганов не стал дожидаться следующей станции – добрался до их теплушки по платформам и крышам. Это был невысокого роста, широкоплечий, коренастый сибиряк, в чертах лица которого просматривалось не меньше азиатского, чем в чертах якута Тамтосова.

– Мне сообщили, что вы назначены старшим эшелона? – с ходу перешел он в наступление.

– Отставить, младший лейтенант, – осадил его Курбатов. – Представьте как положено. Этому вас в училище не учили?

– А меня в училище ничему не учили. Безучилищным на фронт возвращаюсь, – довольно спокойно объяснил взводный. – Звание на фронте получил. Вместе со второй медалью «За отвагу».

Только сейчас Курбатов обратил внимание на небрежно разбросанные по груди четыре медали фронтовика.

– Но представиться – пожалуйста, – вскинул тот руку к козырьку. – Младший лейтенант Цуганов. Из недавних фронтовых старшин. Так что тут все по-штабному. Вопрос к вам: предписание на принятие командования эшелоном имеется?

– Что? Предписание? – переспросил Курбатов лишь для того, чтобы немного потянуть время. Краем глаза он видел, как Тирбах незаметно переместился ближе к Цуганову. Как Чолданов склонился над Тамтосовым, готовый в любое мгновение вышвырнуть его из вагона. Остальные бойцы рассредоточились, незаметно разбирая между собой красноармейцев и готовясь к рукопашной схватке. – Ты что, младшой? Какое может быть предписание в военное время? – беззаботно рассмеялся князь. – Тут и группа, вон, была сформирована за час до приказа, который получили, считай, в последние минуты. А в охранники попали только потому, что отправляемся на фронт.

– Что-то я впервые вижу, чтобы на фронт отправляли такими небольшими группами, – недоверчиво обвел их взглядом Цуганов.

– Потому что прежде, чем попасть туда, мы окажемся в запасном полку в Самаре. У вас еще будут вопросы?

– Да, – вдруг «вспомнил» Кульчицкий, – комендант сказал, что письменный приказ получим уже в Иркутске. Его направят телеграфом.

– Что ж вы мне не сказали об этом, лейтенант? – возмутился Курбатов. – Это когда я получал аттестаты на довольствие?

– Так точно.

Цуганов вновь обвел всю группу диверсантов недоверчивым взглядом, и Курбатов понял, что ему стоит большого труда поверить им. Однако иного выхода у младшего лейтенанта не было.

– Как видите, передавать вам, собственно, нечего, – хозяином прошелся по вагону Курбатов. Ткнул носком сапога в один тюк, другой. – Вагоны на месте. Орудия не разворовали.

– Не успели, – проворчал Цуганов.

– Что вас смущает? Отстранили от командования? Считайте, что меня нет. Я буду отсыпаться. Командуйте, как командовали.

– Да странно все как-то. Само появление ваше...

– Странно, что старшего по званию назначают старшим охраны эшелона? Может, вы еще документы потребуете, младший лейтенант? Нет, вы потребуйте, потребуйте.

– Какой в этом прок? Документы-то у вас в любом случае в порядке.

«Его нужно убирать. Немедленно, – сказал себе Курбатов. – Первым. Пока бацилла недоверия не распространилась на всю охрану. Потом будет сложнее».

– На паровозе часовой выставлен? – спросил он, пытаясь выяснить расположение постов.

– Нет. Зачем? До фронта далеко. Мои солдаты в первом вагоне. Часовой в тамбуре.

– Вам виднее, младшой. Тирбах, Реутов, Власевич – со мной. Остальные остаетесь с лейтенантом Кульчицким. – Он вопросительно взглянул на младшего лейтенанта Цуганова. – Пройдемся по эшелону. Покажете посты в штабном вагоне.

В глазах фронтовика отразились страх и растерянность. Он предчувствовал беду, предчувствовал. Но не знал, как отвернуть. Подозревал в словах капитана ложь, однако не умел доказать ее.

– Ефрейтор Корневой, рядовой Кропань, – обратился он к двум своим бойцам, – сопровождаете меня. Вы, Тамтосов, усилие бдительность. Особенно на остановках. Въезжаем в тайгу, дело идет к ночи.

Тамтосов на минутку оторвался от пулемета и безмятежно посмотрел на командира.

– Шибко хороший ружия, да... – похлопал по стволу «максима». – Жаль, белку стрелять нельзя: мех испортишь, да...

29

Ему снились толпы. Снились огромные, неведь что оружие и неведь куда несущиеся массы людей.

Он так и не понял, что они орали, до сознания его не пробилось ни единого слова. И все же генерал осознавал, что они выкрикивают что-то очень важное и злое. Широко раскрыв рты, с высоко поднятыми над головой руками, они шли и шли прямо на него, угрожая затоптать, поглотить, растворить в своей серой обезличенной массе.

Чего хотели от него эти люди? К кому зывали и к чему призывали его – этого генерал Власов так и не понял. Как не понял и тогда, когда во время недавней поездки по территории, занятой войсками группы армий «Север», оказался в основательно разрушенном городке Луге, где толпы обрадовавшихся появлению русского генерала-освободителя людей прорвали полицейский кордон, пытаясь поднять его на руки, чтобы пронести через весь город, через испепеленные руины. И лишь с большим трудом ему удалось избавить себя от этого триумфального шествия – шествия сдавшегося в плен русского генерала, по захваченной врагом русской земле, через голодные, сотни раз прочесанные облавами полуразрушенные кварталы старинного русского городка.

Уже проснувшись, Власов какое-то время неподвижно лежал с закрытыми глазами. Он все еще чувствовал себя поглощенным огромным людским потоком, который неизвестно где зарождался, непонятно куда двигался и неизвестно на что надеялся.

Получив приглашение фельдмаршала фон Кюхлера посетить гарнизоны его группы армий, Власов вначале отказался от поездки. Отказался решительно и категорично, чем поставил опекавшего его немецкого полковника Мартина из подчиненной Геббельсу «Вермахт-Пропаганды» в крайне идиотское положение. Ведь именно Мартину принадлежала идея той, первой, поездки, на Смоленщину, во время которой Власов смог также посетить Могилев, Бобруйск и Шклов – городок, в котором в то время базировался антипартизанский батальон «Волга».

Замысел полковника Мартина был почти гениальным. Он исходил из того, что распространяемая на оккупированной территории «Смоленская декларация»¹⁶ уже основательно подготовила население к восприятию идей возглавляемого Власовым Русского освободительного движения. Следовательно, ему пора встретиться с самим вождем. Ибо народ, пусть даже оказавшийся на оккупированной территории, должен знать своих вождей.

Хотя декларация была поддержана министром Остминистериума В. Розенбергом, однако Гитлером, Гиммлером, Кейтелем и другими руководителями Германии и вермахта она воспринималась без особого энтузиазма. Русских они по-прежнему рассматривали как «унтерменшей».

От той поездки генерал тоже вначале отказался, однако доводы полковника Мартина и главного покровителя Русского освободительного движения в «Вермахт-Пропаганде» капитана фон Гроте оказались сильнее доводов, выдвигаемых окружением Власова. А оно исходило из того, что, пока их движение не будет признано и поддержано фюрером и Гиммлером, Риббентропом и Розенбергом, вояж командующего Русской освободительной армией, тоже существующей, кстати, пока что лишь теоретически, не имеет смысла. О чем Власов может

¹⁶ «Смоленская декларация» – программа Русского освободительного движения (РОД), составленная А. А. Власовым и активным членом движения М. Л. Зыковым в Берлине в декабре 1942 года. В январе 1943 года она была опубликована и распространялась в виде листовок, якобы от имени комитета РОДа, действующего в Смоленске. Такой комитет действительно существовал, председателем его был Власов, а секретарем генерал Малышкин, однако базироваться в Смоленске немцы ему так и не позволили.

говорить с народом? Что обещать, не имея хоть какой-то надежды, что эти обещания могут быть выполненными?

Да и сам Власов опасался, что поездка может завершиться его пропагандистским поражением, после которого восстановить свой авторитет не только на оккупированных территориях, но и здесь, в Германии, в среде эмиграции и освободительного воинства, уже вряд ли удастся.

– Господин командующий, – заглянул в спальню Власова его адъютант полковник Сахаров. – Вы уже изволили проснуться?

– Изволил, – с некоторой иронией объявил Власов.

В отличие от остального близкого окружения командующего РОА, Сахаров принадлежал к старой русской, белогвардейской эмиграции. Он обращался к Власову только так: «господин командующий» и вообще демонстрировал дореволюционное чинопочитание. Если бы Власов был более искренен с собой, то признал бы, что ему это нравится. Однако генерала хватало лишь на то, чтобы время от времени, про себя или вслух, подтрунивать над великолепно вышколенным полковником.

– Позвольте напомнить, что сегодня в полночь начинается срок вашего домашнего ареста.

– Я-то думаю, почему сразу после полуночи мне начали сниться всяческие кошмары?

– Извольте шутить, господин командующий, – все еще стоя навывтяжку, склонил голову полковник. Грубоватое, лилово-кирпичного цвета лицо его могло лишний раз подтвердить, что в России в самом деле не осталось ни одного дворянского рода, кровь отпрысков которого на шестьдесят процентов не состояла бы из крови кучеров. Оно совершенно не гармонировало с изысканно подчеркнутым воспитанием полковника, губительно разрушая тщательно создаваемый им образ родового дворянина.

– Изволяю. Что у нас на сегодня?

– В общем-то... ничего. Но позволю себе напомнить, что, несмотря на домашний арест, вам разрешено посетить Дабендорфскую школу. В виде исключения.

– В таком случае весь свой домашний арест мы превратим в сплошное «исключение», – решительно, хотя и не без иронии, заявил Власов. – Позволяете, полковник?

– Так точно. Я готов.

* * *

Домашний арест. Он совершенно забыл о нем.

Да, он, генерал Власов, приказом фельдмаршала Кейтеля посажен под домашний арест. Это сообщение, возможно, и огорчило бы командующего, если бы он не понимал, что наказание могло оказаться значительно жестче. Отправившись по местам расположения частей группы армий «Центр», он повел себя слишком независимо, а порой и совершенно вызывающе.

Благословляя его на эту поездку, полковник Мартин был уверен, что демонстрация пропагандистских возможностей Власова, его авторитет и популярность среди населения позволят изменить взгляды руководства рейха на всю восточную политику. И тогда, наконец, можно будет спокойно заняться созданием не только национально-освободительных комитетов, но и национальных воинских формирований, способных на многих участках фронта заменить немецкие части, а значит, уменьшить потери вермахта.

Однако все сложилось не так. Узнав подробности поездки, капитан Петерсон – тот самый, что был комендантом лагеря военнопленных под Винницей, первого лагеря, в который Власова поместили после его пленения, – был потрясен «откровениями» русского генерала. Оказавшись у себя на родине, Власов словно забыл, что он все еще по существу в плену. А как следовало относиться к его заявлениям по поводу того, что он не позволит, чтобы России был навязан национал-социализм, что Россия должна стать совершенно независимым государством? К тону, в котором, вернувшись из поездки, Власов составил меморандум немецким властям,

позволяя себе называть политику рейха, а следовательно, политику самого фюрера в России близорукой, лишенной мудрого взвешенного взгляда на будущее устройство России, а значит, и всей Европы?

Вспоминая сейчас встревоженность Петерсона и подполковника абвера Владимира Шубута, который представлял генерала фон Шенкендорфа, принимавшего его в Смоленске на правах хозяина, Власов мрачно улыбнулся. Петерсону еще очень повезло, что он не оказался среди сопровождавших его при поездке в армейскую группу «Север». Представителю верховного командования капитану Эдуарду фон Деллиннгсхаузену пришлось куда труднее. Власов видел, как побледнел фон Деллиннгсхаузен там, в Луге, когда толпа его восторженных почитателей прорвала полицейский кордон и он, словно полководец-освободитель, бросил в толпу: «Так хотите ли вы быть рабами немцев?!» И толпа яростно взревела: «Нет! Никогда!»

Ясное дело, он не имел права на эти слова. Прежде всего – морального права. Не немцы находились у него в плену – он у немцев. Не он привел сюда войска – он свои войска сдал. И сейчас он служит тем самым немцам, от порабощения которыми собирался избавлять их. Так почему толпа верила ему? Почему ревела от восторга?

Он помнит, как подполковник поспешно удалился, когда во Пскове, выступая перед интеллигенцией, Власов заявил, что, хотя Германия и помогает Русскому освободительному движению свергать сталинскую диктатуру, однако РОД не потерпит иностранного господства в России. Помочь ему в борьбе против сталинизма – долг германской нации. Ведь помогла же когда-то Россия Германии и всем остальным народам Европы освободиться от орд Наполеона.

Но пределом, последней каплей, переполнившей чашу терпения высшего генералитета вермахта, стало выступление Власова в Гатчине. Где он осмелился заявить, что, мол, пока что борцы за освобождение России являются гостями Германии, однако недалек тот час, когда, одержав победу, эти борцы рады будут видеть у себя в гостях немцев.

«...И все же, почему они не освистали меня? Верят в будущее победы? Настолько ненавидят немцев, что готовы на руках носить генерала-перебежчика? А ведь ненавидят же. И ненависть эта падет и на твою голову, ваше превосходительство».

Поднявшись с постели, Власов помассажировал виски. Он мучительно вспоминал подробности своего выступления в Гатчине, как вспоминают с похмелья о вчерашних приключениях. А ведь были еще и последствия. В тот же день о «вызывающем поведении генерала Власова» было доложено Гиммлеру. Тот известил фюрера. Разразился скандал, который вполне мог закончиться для него лагерем смерти. Впрочем, до лагеря, очевидно, не дошло бы, убрали бы поэлегантнее – «в автомобильной катастрофе» или что-то в этом роде.

Очевидно, так все и произошло бы, если бы наказанием его занялся кто-то из людей Гиммлера или Мюллера. Но его отдали на суд Кейтелю. А фельдмаршал поступил так, как поступил бы, пришлось ему наказывать за подобный проступок любого из своих накуролесивших генералов. Под домашний арест его, сукиного сына!

Единственный, кто по-настоящему поразил в этой ситуации Власова, был Геббельс. Все же пропагандист есть пропагандист. Ознакомившись с меморандумом, тот, говорят, заявил: «Власов прав. С Власовым трудно не согласиться. Можно лишь удивляться отсутствию политического чутья у нашей центральной берлинской администрации. Если бы в настоящее время или в прошлом мы проводили более умелую политику на Востоке, то достигли бы большего успеха, чем это наблюдается сейчас».

Власов подошел к окну и взглянул на серые дома напротив, серое небо, серую дорогу, серую крону клена справа у окна. Похоже, что мир устал от красок и разноцветья и пришел к одному цвету, который отныне становился цветом его, Власова, жизни.

«Кейтель, наверное, очень жалел, что не обладает полномочиями заодно посадить под домашний арест и Геббельса», – не отказал себе в удовольствии позлорадствовать Власов. Хоть такую слабость он, в конце концов, мог себе позволить в этой серой беспросветной жизни.

30

Оставив кабинет Фромма, оба генерала прошли по коридору до кабинета Ольбрихта, стараясь не смотреть друг на друга. Шеи их взбагрились от пота, а лица – от напряжения. Оба чувствовали себя слишком неловко для того, чтобы обмениваться мнениями. И так было ясно, что встреча не удалась.

– Лучше бы он прямо заявил, что трусит, – обиженно проворчал Бек, как только они наконец достигли спасительной двери кабинета заместителя командующего армией резерва. – По крайней мере было бы честно.

Ольбрихт вежливо пропустил его впереди себя, потом решительно направился к своему месту за рабочим столом и лишь тогда почувствовал себя более-менее уверенно.

– Вы доверяете ему, Ольбрихт?

– Пока трудно сказать.

– Но могли бы доверять?

– Это зависит не от меня, а от Фромма, – неохотно объяснил заместитель командующего. – И то, что мы вместе работаем, еще ни о чем не говорит.

– Интересно бы знать его мысли в эти минуты. Не вспоминает ли телефоны своих знакомых из гестапо? Но вы, Ольбрихт, должны решить: доверяете ему или нет. Сейчас важно только это. Мы не можем вовлекать в операцию «Валькирия» людей, которым заведомо не доверяем. Слишком велика ставка.

– Он потребовал убрать Самого. Причем высказал это требование совершенно ясно. Так давайте исходить из факта.

– Не опасаетесь? – повел головой вокруг себя Бек, показывая, что имеет в виду стены, которые тоже с ушами.

– Проверено. И потом, в этих стенах уже столько всего сказано¹⁷. Так вы заметили: генерал Фромм первым поставил вопрос о том, что сначала нужно убрать его, а уж потом решать все остальные вопросы. И согласитесь, что он прав. Мы же с вами до сих пор рассуждаем о новых линиях фронтов, переговорах с Западом и создании Соединенных Штатов Европы с таким видом, словно то самое «предварительное условие», на котором так настаивал генерал Фромм, уже кем-то выполнено. Или обещано нам.

– Но ведь мы подразумевали такой исход, – неуклюже попытался оправдаться Бек, осознавая, что является военным руководителем заговора.

– Это не упрёк, господин Бек. Требование Фромма должно наконец заставить нас серьезно разработать самую важную часть операции – покушение на Него. Которая должна быть выделена нами в отдельную операцию, предшествующую «Валькирии».

– Исходя из важности этого этапа – да.

– Так давайте же сосредоточимся.

– Вы не допускаете мысли, что возможна ситуация, при которой покушение на Гитлера окажется необязательным? Например, мы можем принудить его подать в отставку. Создать такое общественное мнение...

– Не допускаю, – тон Ольбрихта становился не менее категоричным, чем только что был у Фромма. – Не допускаю, господин генерал-полковник. Это мнение должно быть таковым, чтобы убедить весь германский народ. Что само по себе крайне сложно. А также весь германский генералитет – что ничуть не легче. А ведь существуют еще гестапо и войска СС. Не забы-

¹⁷ Остается неоспоримым историческим фактом, что заговор против Гитлера готовился здесь, в штабе армии резерва, на Бендлерштрассе, 13. Он же стал и центром, штабом по руководству операцией «Валькирия». Для историков, занимающихся этим заговором, остается загадкой, почему он не был раскрыт еще до покушения. Ведь о нем знало много людей.

вайте также о Скорцени с его головорезами, при самом упоминании о которых многие политики на Западе и Востоке мгновенно вздрагивают.

Бек недовольно повертел головой. Ему не нравилось, что Ольбрихт вдруг сошел на подробности и мелкие личности. Да только сам Ольбрихт не воспринимал Скорцени как «мелкую личность». Окажись Бек хоть чуточку прозорливее, то счел бы Ольбрихта пророком.

Впрочем, в провидческом даре Ольбрихта он еще сможет убедиться. Но это будет потом.

– Скорцени – отдельный разговор, – вдруг опомнился будущий канцлер. – Кстати, вот кто лучшим образом справился бы с операцией по похищению фюрера, будь то из рейхсканцелярии в Берлине, будь то из «Вольфшанце».

– Возьметесь вести с ним переговоры? – в лоб и явно бестактно поинтересовался Ольбрихт. – Нет? В таком случае назовите человека, который бы рискнул явиться с подобным предложением к первому диверсанту рейха.

Бек вновь недовольно побряхтел. После беседы у Фромма ему было трудно сохранять хладнокровие и оставаться достаточно дипломатичным.

– Вернемся пока что к Фромму. Нет оснований надеяться, что он примкнет к нам. Молясь о том, чтобы командующий не оказался предателем, мы уже сейчас должны подумать о генерале, который бы в первые же минуты операции «Валькирия» занял кабинет Фромма и был объявлен нами командующим армией резерва.

– Ваше предложение?

– На мой взгляд, этим генералом должны стать вы.

Ольбрихт недовольно поморщился.

– Почему так? Заместитель командующего становится командующим. Вполне естественное выдвижение.

– Не думаю. На время операции мне лучше оставаться тем, кем я есть. На связь со мной будут выходить, помня, что я начальник Общеармейского управления, по моему служебному телефону. Существуют и другие причины, более деликатного характера. В случае, если Фромм, даже после выполнения нами «предварительного условия», откажется поддержать нас, чего мне бы очень не хотелось, его обязанности должны быть возложены на генерала Геппнера.

– Отстраненного когда-то фюрером, – счел необходимым уточнить Бек. – Вынужден признать: этот возьмется за выполнение возложенных на него обязанностей с должным рвением.

– По крайней мере один вопрос нам все же удалось уладить, – хлопнул руками по столу Ольбрихт. – Важен даже не результат, важно наше с вами согласие.

31

Фюрер выслушивал Муссолини долго, молча и на удивление терпеливо. Его раздражала темпераментная манера вести беседу, при которой дуче время от времени подхватывался, нервно прохаживался по кабинету и все время сбивался на патетику. К тому же он смертельно устал. Их беседа происходила уже после того, как Муссолини был оказан подчеркнуто теплый прием, достойный главы правительства страны – союзницы Германии, с приглашением всех, кого только можно было собрать в это время в ставке. Однако официальная часть кончилась, и теперь пора говорить откровенно.

– Но Бадольо, Бадольо!.. – уже в который раз возвращался Муссолини к личности ненавистного ему маршала. – Какая черная неблагодарность! Вы же помните, фюрер, сколько я сделал для этого человека. В конце концов это я взрастил из него маршала. Взрастил буквально из ничего! Генерал-губернатор Ливии! Верховный комиссар Восточной Африки! Кто еще мог бы?..

– С Бадольо полная ясность. Мне бы хотелось пристальнее взглянуть на папу римского, – спокойно перебил его Гитлер. Он все еще сидел с полузакрытыми глазами, не меняя позы.

– На папу? Простите, фюрер, но... при чем здесь папа?

– Папа всегда «при чем-то», – назидательно объяснил Гитлер. – Мне известно, что в последнее время отношения с Пием XII у вас явно не складывались. Наш посол в Риме также доложил мне, что в трудные для Италии часы Ватикан откровенно предал вас, господин Муссолини, сразу же переметнувшись на сторону короля.

– Который в свою очередь оказался пешкой в руках проанглийски настроенных заговорщиков!

– Естественно, естественно, – процедил Гитлер, не желая более подробно останавливаться на деталях. Еще больше он не хотел, чтобы разговор был сведен к проблеме англо-итальянских отношений.

И вчера, во время краткого обмена любезностями сразу же после встречи на аэродроме, и сегодня, перед официальной беседой, Гитлер уже несколько раз пытался подвести Муссолини к серьезному разговору о позиции, а следовательно, судьбе Ватикана, само упоминание о котором в донесениях, составляемых по сообщениям из-за рубежа, попросту раздражало его.

Фюрер добивался, чтобы инициатива «крайне жестких мер» относительно Ватикана исходила от дуче. Он пытался заставить Муссолини хоть в какой-то форме официально обратиться к нему, к Германии, с просьбой пресечь деятельность папы и многих его кардиналов, чьи «политические молитвы» становятся все более антинацистскими. Особенно это заметно сейчас, когда Ватикан почувствовал себя под защитой англо-американцев.

* * *

К сожалению, Муссолини так и не понял, чего от него хотят. Опаленный предательством Бадольо, короля, генералитета и некоторых министров, он вновь и вновь уводил Гитлера в дебри своих кровных обид.

– Разве, будучи на посту премьер-министра, я мало сделал для нашей многогрешной Италии? Каким же черствым должен быть народ, чтобы?..

– Мы обязаны вернуть нашу беседу в деловое русло, – кончилось терпение фюрера. – Слушайте меня внимательно, Муссолини, – гипнотически уставился он на дуче свинцовым взглядом холодных, ледянистых глаз. – Нам давно известно, что Ватикан стал гнездом заговорщиков, ярых врагов национал-социализма. Представители целого ряда стран при Святом престоле поддерживают связь с предателями рейха, которые давно вынашивают планы отстра-

нения от власти и национал-социалистической рабочей партии Германии, и вашего правительства в Италии. Пока что, как видите, им удалась лишь часть задуманного.

– Она еще не удалась им! – возбужденно напомнил Муссолини. – Благодаря мужеству рыцарей СС под командованием Скорцени...

– О солдатах, Муссолини, потом. Солдаты в рейхе всегда найдутся. – Гитлер поднялся и оперся полусогнутыми кулаками о стол, как он делал каждый раз, когда оглашал свое окончательное решение. – Сейчас мы должны думать и поступать, как подобает вождям двух ведущих наций Европы.

– Только так, – стукнул кулаком по столу дуче.

– Папу римского и всю его кардинальскую свору наши противники намерены использовать против нас. С приходом в Рим англичан и американцев вся пропагандистская мощь Ватикана будет направлена на то, чтобы ослабить волю христианского мира, помешать нашей борьбе против коммунистической чумы, восстановить против нас все католичество. Вы согласны с этим, господин Муссолини?

– О, да! Надеюсь, ваша агентура располагает достаточным количеством фактов, чтобы изобличить этого ватиканского оракула, убедить католическое вселенство...

Не дослушав его, Гитлер рассмеялся. Размашистым неуклюжим шагом прошелся по кабинету. Остановился напротив Муссолини.

Из вежливости дуче тоже поднялся. Теперь их разделял длинный темно-ореховый стол, за которым во время совещаний государственной важности обычно собиралось почти все высшее руководство страны.

– Время изобличения ватиканского оракула, мой дорогой дуче, прошло. А еще точнее, мы его проворонили.

– Но как же тогда?... Ватикан есть Ватикан...

– Не спорьте, Муссолини, – раздраженно осадил его фюрер. – Сейчас нам не до философских диспутов. Судя по тому, что вас арестовал король, а вся армия под командованием любимого вами маршала просто-напросто предала вас, – самое благоприятное время мы и так безнадежно упустили.

– Считаете, что в моем аресте, в этом перевороте, тоже замешан Ватикан? – настороженно спросил Муссолини.

– А кто способен сомневаться в этом?

– Следовательно, король и папа римский, они?..

– А вы, мой верный союзник, допускаете, что король мог решиться на такое преступление, не заручившись поддержкой папы римского? Вы серьезно допускаете такую возможность? Для того чтобы предположить, что на события, приведшие к вашему свержению, к перевороту в стране, оказывал влияние мощный агентурный аппарат, заседавший в Ватикане, – вам нужны еще какие-то особые доказательства?

Наступила долгая, томительная пауза, которую Гитлер не желал, а Муссолини просто-напросто не решался прерывать. Какое-то время дуче почти умоляюще смотрел на Гитлера, как может смотреть на своего спасителя только очень жалкий, растерянный человек.

– Вы правы, – наконец невнятно пробормотал Муссолини и, запрокинув голову, мрачно уставился куда-то в потолок. Уже основательно размытый римский профиль его лица приобрел почти первоначальные очертания. Только посеревшая щека слегка подергивалась, а отвисшая нижняя губа мелко вздрагивала. – Я не совсем верно понял вас... вначале. Но вы, фюрер, правы.

Гитлер всегда недолюбливал этого человека. Само упоминание о нем очень часто вызывало у фюрера какое-то глубинное неумное раздражение. Оно в одинаковой мере касалось и того, сколь бездарно вел дуче войну в Африке и России, и того, с какой бездарностью силился одолеть глыбу внутренней политики.

Но наибольшее неприятие вызывало в нем стремление Муссолини представлять перед миром не обычным премьером, а обязательно – «великим дуче» Италии. Да к тому же претендовать на роль вождя мирового национал-социализма. Муссолини никогда не упускал возможности напомнить, что родина фашизма – Италия. Что у истоков его стоял он, великий дуче. Прозрачно намекая при этом, что в Берлине всего лишь по-обезьяньи копируют Рим. Во всем, даже в приветствии. Нет, он, Шикльгрубер, не скрывал, что доля истины в некоторых утверждениях дуче все же есть. Но без конца твердить об этом... Не учитывая сложившихся в Европе реалий...

Гитлер был твердо убежден: Европа должна знать и почитать одного фюрера. Только одного. Двоим в ней слишком тесно.

– Так вот, господин Муссолини, – сухо проговорил он, снова вернувшись на свое место за столом. – Я не намерен и дальше мириться с тем, что в центре Италии, в перерывах между молитвами, плетется заговор против рейха. Я с корнями вырву этот терновник германоненавистничества. Да, господин Муссолини, именно так: с корнями. Сегодня же я прикажу разрабатывать операцию... – фюрер взглянул на Муссолини и запнулся на полуслове.

Он вдруг поймал себя на мысли, что не имеет права раскрывать эти планы. Ибо нет никакой гарантии, что они останутся тайной. Он попросту не доверял дуче. Как, впрочем, не доверял ему никогда раньше. Хотя это не мешало называть Муссолини своим другом.

– Можете не сомневаться, фюрер. Как только я смогу вернуться в свою благословенную Италию и твердой рукой навести порядок в Риме... – неуверенно пытался продолжить его мысль Муссолини.

Однако Гитлеру показалось, что дуче так и не понял, какие именно меры он имел в виду. Как не понимал и того, что укрепиться в Италии, особенно в Риме, он сможет лишь ценой тяжелых боев, огромных потерь, а главное, заметных побед. Англо-американцы уже захватили весь юг Италии. Не сегодня завтра они будут в Риме, и никто не собирается оказывать им сколько-нибудь серьезное сопротивление.

Дуче пока что многого не понимал. И его тяжкое непонимание нельзя было объяснить только тем, что какое-то время премьер-министру Италии пришлось пробыть под арестом.

– Впрочем, все это еще нужно обдумать, – прокашлялся Гитлер. – Хорошенько обдумать. Наши люди проинформируют вас обо всех действиях, которые мы намерены будем предпринять в отношении Италии. В том числе и в отношении Святого престола. Рассчитывая при этом, – выдержал фюрер многозначительную паузу, – на ваше полное понимание и конкретную поддержку. Полное понимание.

– Можете положиться на меня. Никаких сомнений. Никаких! – снова занервничал Муссолини, окончательно убедившись, что ему действительно не доверяют.

– Кстати, вы хорошо знаете обергруппенфюрера СС Карла Вольфа?

– Естественно.

С этим генералом, адъютантом Гимmlера, Муссолини уже приходилось встречаться, когда тот находился в Италии по поручению своего шефа.

– Так вот, я назначаю генерала Вольфа высшим фюрером СС и полиции в Италии. Отныне по существу все войска, находящиеся в Италии, будут в его оперативном подчинении. Все интересы Германии в вашей стране – в его ведении. Это он сначала поможет вам укрепиться на севере Италии, а затем – решительно двинуться на Рим.

– Полагаю, что вопрос о Святом престоле будет рассматриваться лишь после моего возвращения в Рим?

Гитлер устало взглянул на дуче и ничего не ответил. Он понимал, почему Муссолини так волнует судьба папы римского. И что значит для его карьеры окончательно испортить отношения с благочестивой итальянской церковью. Тем не менее не собирался облегчать участь дуче какими бы то ни было словами успокоения. Пусть каждый несет свой крест. Каждый – свой.

32

На платформе, на которой были установлены два накрытых брезентом орудия, они оказались в тот момент, когда, огибая скалу, машинист огласил предвечернюю тайгу длинным, призывным, словно клич вожака волчьей стаи, воем паровозного гудка. Мгновенно оценив ситуацию, Курбатов наклонился к младшему лейтенанту Цуганову, будто хотел что-то сказать ему на ухо, и в то же мгновение ударил его кинжалом в живот.

Не успел скорчившийся от боли Цуганов упасть, как подполковник тем же ножом ударил в шею Корневого и, так и оставив его в теле ефрейтора, изо всей силы врубился ребром ладони в сонную артерию Кропани...

Оседая, красноармеец попал в сатанинские объятия подпоручика Тирбаха, а уж тот, захватив его шею в могучие тиски своих рук, оторвал обреченного от платформы и, удерживая на весу, удушил с такой яростью, с какой это мог сделать только он.

– Кажется, Кичин утверждал, что их было двадцать два, – спокойно вспомнил Курбатов, когда тела красноармейцев оказались под брезентом.

– И еще не знает, что теперь их осталось девятнадцать, – заметил Реутов.

Эшелон медленно втягивался в горный массив, как бы погружаясь при этом в преисподнюю каменистой теснины. Солнечные лучи угасали в нагромождениях скалистых вершин, ветер постепенно утихал, небо покрывалось мутной пеленой облачности, а вагоны начало швырять из стороны в сторону с таким остервенением, словно колея хотела сбросить их с себя, как исчадие войны. Вот только ей это не удавалось.

– Чего медлим, князь? – нетерпеливо поинтересовался фон Тирбах. Он стоял, прислонившись к станине орудия, и по-солдатски, в кулак, курил. – Все равно очищать платформу от тел пока не стоит, могут заметить. А штабной вагон рядом – через две платформы и теплушку.

– Не пойдем мы туда. Вначале нужно рискнуть, сбросить тела и вернуться в вагон Тамтосова.

– Считаете, группа Кульчицкого не справится? – проворчал Реутов.

– Слишком опасно идти в штабной без младшего лейтенанта. Это вызовет подозрение. Вернемся, поможем Кульчицкому и дождемся, когда кто-либо из штабного вагона придет, чтобы выяснить, где это задержался их командир. С этим гонцом мы и двинем на штабной.

– Слишком мудрено...

– Но доведем мы его до этой же платформы, как до лобного места, и прикончим, – подсказал подпоручик.

– А что, так и будем использовать ее в роли помоста, – согласился Курбатов.

Он действительно мудрил. Но для этого были причины. Подполковник помнил, что два красноармейца находятся вне штабного вагона – на платформе у самого паровоза. Да и машинисты наверняка вооружены. А завершить эту операцию следовало без лишнего шума, без единого выстрела. Здесь, в прибайкальской тайге, делать им больше нечего. Курбатов намеревался добраться на этом эшелоне хотя бы до Красноярска, а это требовало выдержки и осторожности.

– Впереди левый поворот, – вырвал его из раздумья фон Тирбах. – И горный хребет.

– Это нам подходит. Приготовились. Тела сбрасываем направо. Подальше от колеи. Места здесь вроде пустынные.

Когда через несколько минут платформа была очищена, и они по платформам и крышам вагонов вернулись в вагон Тамтосова, там тоже все было кончено. Сам младший сержант лежал проткнутый штыком, но и мертвый продолжал обнимать станковый пулемет: «шибко хороший ружия».

– Но остался солдат, стоявший на посту в тамбуре последнего вагона, – озабоченно напомнил Кульчицкий. Он сидел, привалившись спиной к стенке у самой двери, ведущей во

вторую, как бы товарную, часть вагона, не обращая никакого внимания на тела и забрызганный кровью пол. С первого взгляда было ясно, что тихо и быстро убрать красноармейцев не удалось. Дело дошло до рукопашной.

– Грубая работа, – обронил Тирбах, помня о том, как прошла операция на платформе. – Могли завалить весь замысел.

– Ах, подпоручик, подпоручик, – язвительно осадил его Кульчицкий, – трудно нам пришлось бы без ваших замечаний. Были бы с нами вы, все было бы иначе.

– Профессиональнее.

Курбатов давно заметил, что они недолюбливают друг друга. Голубокровный польский аристократ Кульчицкий оказался тем единственным из группы, кто не признал законным присвоение Тирбаху офицерского чина, а уж возведение его в титул барона вообще показалось ему преступной несправедливостью.

Курбатов мог бы и не обращать особого внимания на отношения между этими офицерами, если бы не понимал, что в нелюбви поляка к фон Тирбаху таилась немалая доза нелюбви, а возможно, и откровенной зависти Кульчицкого по отношению к нему, князю. Подъесаул всегда помнил, что при всей древности его рода ни один из Кульчицких так никогда и не возвысился ни до одного из дворянских званий, передавая потомкам только свой гонор, обедневшие имения и клеймо «мелкопоместный шляхтич», появляться с которым в высшем свете было стыдно и недостойно.

– Как считаете, Кульчицкий, можно пробраться к часовому, не дожидаясь остановки? – прервал молчание Курбатов.

– Платформа и два вагона, – не задумываясь ответил подъесаул. – Я проследил этот путь.

– Сможете пройти его? – жестко спросил подполковник, не боясь показывать, что его выбор продиктован спором Кульчицкого с Тирбахом. – Нельзя оставлять этот ствол у себя за спиной.

– За вельку Польшу, – решительно поднялся Кульчицкий. – Что-что, а снять этот ствол мы еще сумеем.

Какое-то время Курбатов, высовываясь из двери, а Тирбах – из окна, напряженно ждали, чем закончится эта вылазка подъесаула в тыл. Оправдывая их самые мрачные предчувствия, она закончилась тем, что Тирбах увидел: что-то крича от страха, красноармеец спрыгнул с медленно идущего под гору поезда, упал, но тотчас же подхватился и еще бежал и что-то кричал вслед поезду.

Кульчицкий несколько раз выстрелил в него из пистолета, но промахнулся. В вагон к Курбатову он вернулся мрачным, с рассеченной скулой. Куда больнее этой ссадины досаждала ему саркастическая улыбка фон Тирбаха.

– Он ушел, звоны святой Бригитты, – мрачно доложил князю.

Ни Курбатов, ни Тирбах не проронили ни слова. Остальные диверсанты угрюмо ждали реакции командира. Некоторые из них в душе даже радовались, что заносчивый шляхтич Кульчицкий оказался поверженным.

– Он, видимо, услышал шум схватки в вагоне. Или просто заподозрил что-то неладное, – нервно объяснял подъесаул. – Во всяком случае ждал меня. Чуть не пропорол штыком. Хорошо еще, что не пальнул.

– Зато вы пальнули дважды, – напомнил Власевич, избавляя Тирбаха от необходимости выступать в качестве свидетеля. – И оба мимо. Теперь этот ублюдок доберется до ближайшей станции, откуда сразу же свяжутся с Иркутском. А ждать нас будут на подходе к городу.

– Как бы там ни было, мы должны исходить из того, что он ушел, звоны святой Бригитты, – захватив пальцами щеку, Кульчицкий сжал ее с такой силой, что, казалось, готов вырвать весь рассеченный кусок тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.